

A woman in silhouette is shown from the waist up, holding a handgun in her right hand, pointing it towards the left. She is wearing a dark top and a dark hat. The background is a warm, golden-yellow gradient. The entire scene is framed by a decorative, ornate border with floral and scrollwork patterns. The text is overlaid on the image in a glowing red, cursive font.

Василий
Тадарков

сериал
по мотивам
романа
Василия
Тадаркова

16+

Василий Боярков

Финал роковой проститутки

«Автор»

2019

Боярков В.

Финал роковой проститутки / В. Боярков — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-92509-0

Получив опасное ранение, не совместимое с жизнью, Ветрова Екатерина впадает в тяжёлую кому. Пока она находится между жизнью и смертью, в бессознательной памяти возникают жестокие воспоминания прошлой жизни, временами ужасные, а подчас и просто невероятные. В то же самое время её мстительный враг Глеб Туркаев готовит ограбление Центрального хранилища Банка России...

ISBN 978-5-532-92509-0

© Боярков В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая. Красавица, генерал и убийца	5
Глава I. Квартира сверху	5
Глава II. Покушение	9
Глава III. Путь до больницы	13
Глава IV. Обыск дома. Операция	16
Часть вторая. Злосчастная красота	20
Глава V. Неблагополучная семья	20
Глава VI. Детский дом	24
Глава VII. Зловещий кочегар	28
Глава VIII. Ночные прогулки	33
Глава IX. И снова Мухротов	37
Глава X. Побег	42
Глава XI. Путешествие на родину	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Василий Боярков

Финал роковой проститутки

Часть первая. Красавица, генерал и убийца

Глава I. Квартира сверху

Наступил октябрь 2003 года. В российской стране происходили грандиозные, крупномасштабные перемены. Преобразования, наступавшие в социальной и политической жизни, способствовали улучшению благосостояния обычного населения и укрепляли авторитет государства во всём мировом сообществе; они проводились пришедшими к власти здоровыми силами, молодыми и перспективными.

Непринуждённо поменяв девичью фамилию, Вернер Екатерина Сергеевна управляла теперь не только столичным, но и всем российским модельным бизнесом. В выбранной сфере деятельности она представляла одну из значимых фигур того прорывного, многообещающе успешного, времени. За мѝнувший пятилетний период во внешности тридцатипятилетней женщины мало чего изменилось: всё так же большие голубые глаза излучали расчѝтливый ум, да глубокую пронизательность, да чисто женскую интуицию (вот разве взгляд в них сделался более жѝстким, а ещѝ в нѝм сквозила холодная, непримиримо решительная, уверенность); коралловый цвет губ сменился малиновым (из-за предпочтѝнной помады) и гораздо лучше подчѝркивал завидную женственность; каштановые пряди не претерпели значительных изменений (густые, точно такие как раньше, они спадали слегка удлинѝнной чѝлкой), но, единственное, остригались чуть покороче и укладывались стильной, по-модному элегантной, причѝской; лицо являлось продолговатым и выражало высокомерную чопорность, спесивую гордость, высокое самомнение (сравнивать его с чем-то божественным не представлялось уже возможным); неотразимая фигура (при невысоком росте) всё также выглядела и стройной, и привлекательной, и грациозной, и попросту сногшибательной; смуглый оттенок кожи при солнечном свете казался чуть золотистым; в нежном когда-то голосе появились стальные нотки, что ничуть не умаляло общей притягательной звонкости. Стараясь соответствовать новой влиятельной должности, одеваться она предпочитала в строгие, сугубо деловые, костюмы; восхижительные ножки помещались в изящные остроносые туфельки, выделявшиеся чуть завышенной шпилькой.

При достигнутом общественном положении, всё, чего желала от жизни, Катька Ветрова сумела заполучить: и безграничную власть, и раболепное уважение, и истинное признание. Появилась масса восторженных ухажѝров-поклонников. Однако! Вопреки бесчисленному многообразию, какое представлялось богатыми бизнесменами, готовыми склониться к еѝ ногам, особое предпочтение отдавалось одному высокопоставленному спецназовцу – заместителю директора ФСБ генерал-лейтенанту Корнилову Эдуард Владиславовичу.

Понравившийся мужчина являл человека властного! Достигнув сорокасемилетнего возраста, он считался типичным представителем российской элиты: подтянутая фигура не выделялась ни малым изъяном; стандартная голова венчалась рыжими волосами, редкими и короткими; широкий лоб доминировал и обладал по-бульдожьѝ свисавшими надбровными дугами; въедливые глаза излучали как непоколебимую уверенность, так и подсознательную практичность; широкое лицо походило на некий пятиугольник, обозначенный длинными продольными ямочками, расположенным по обеим щекам, и выражало хладнокровную твѝрдость (хотя и выглядело приятным, не лишѝнным мужской привлекательности). Одеваться Корнилов пред-

почитал в костюмы исключительно дорогие, блестящие и лоснившиеся; окраска выбиралась предпочтительно чёрная. Временами генерал-лейтенанта можно было увидеть и в форменном обмундировании сотрудника ФСБ.

Невзирая на видимую суровость, пренебрежительную напыщенность, в обществе любимой женщины Эдуард Владиславович мгновенно преображался: он становился настолько ласковым, не в меру предупредительным, что производил впечатление, скорее, подобострастного слуги, нежели обходительного поклонника, пользовавшегося у избранной дамы сердца особенной благосклонностью. Сама госпожа Вернер, оказываясь в его весомом присутствии, тоже сбрасывала бесстрастную маску и становилась очаровательной собеседницей, и покладистой, и приятной, и обходительно ласковой. В совсем недалёком будущем они планировали сочетаться законным браком, и (даже!) объявили о скорой помолвке.

В то же самое время из мест лишения свободы освободился небезызвестный Туркаев Глеб, брат-близнец покойного Олега Туркаева; вместе со всей преступной бандой того жестоко уничтожили в августе 1998 года на территории Соединенных Штатов Америки. Самым горячим желанием отпетого негодяя, выжившего преступника, было расквитаться за смерть криминальной братии, истреблённой безжалостно, по сути предательски.

Что же авторитетный уголовник из себя представлял? Вспоминая погибшего брата, внешность покажется практически схожей; правда, пятилетний срок заключения добавил ей определённые изменения... Тридцатипятилетний злодей отличался фигурой сильной, но значительно исхудалой; осунувшееся лицо не потеряло мужской притягательности, дарованной от благодатной природы; карие глаза, как и прежде, светились жизнелюбивым огнём, а заодно и передавали устойчивое желание – занять активную, жизненно деятельную, позицию да расквитаться с заклятыми недругами; кривоватый рот, не спускавший зловредной улыбки, открывал ряд ровных зубов, пестревших болезненной желтизной; крючковатый нос выдал особую, сизмальства врождённую, хитрость; короткая стрижка рябила чёрными волосами. Заканчивался внешний портрет Туркаева синими джинсами, коричневой кожаной курткой и фирменными туфлями. Приобретёнными повадками, всем внешним видом, Глеб старался внушить, что не собирается посиживать тихо, без персонального дела – вот только трудиться в каком-нибудь производстве, необходимом современному обществу он явно не будет.

Возвращаясь к былой предыстории, Глеб, когда он находился в тюремных застенках, случайно увидел, по общему барачному телевизору, Ветрову Катюку. Зная, что у неё имелась любовная связь с убитым братом Олегом и что она вместе с ним улетела, на погибель, в Соединённые Штаты, он очень удивился столь странному, а главное чудесному, воскрешению. Смущённый бандит тогда ещё невольно подумал, что, возможно, ему привиделось, тем более что ту влиятельную москвичку, главу всего модельного бизнеса, называли как Вернер. Впоследствии, когда прекрасная женщина, удивительно похожая на пассию покойного брата, стала всё чаще мелькать в телевизионных экранах, у Глеба не осталось ни маломальских сомнений – кто виновен в прискорбном провале заокеанской валютно-денежной операции. Естественно, он вознамерился безжалостно отомстить, или, по его же словам, «воздать по всем поганым заслугам».

Вот так, оказавшись на долгожданной свободе, разгорячённый «народный мститель» отправился напрямую в столичный город, откуда являлся родом. Проследить за Вернер Екатериной большого труда не составило, и кровожадный злыдень успешно выяснил, где она, «презренная стерва», теперь проживает. Как выяснилось, поселилась она в многоэтажной новостройке современного типа, оборудованной своеобразными балконными выступами, застеклёнными и большими; интересовавшая квартира располагалась аж на двенадцатом этаже.

Туркаев хорошо понимал, что Ветрова-Вернер его превосходно знает и вряд ли пожелает вести какие-либо словесные разговоры, а тем более откровенничать. Подкараулить на

престижной работе, либо в дорожном пути? Перспективы совсем незаманчивые, то есть вовсе не «улыбались», поскольку её неотступно сопровождали два здоровенных охранника. Чтобы приготовить нормальное покусение – нужны значительные финансовые возможности. Как раз с ними-то Глеб испытывал серьёзные, кризисно плачевные, затруднения. Бывший заключенный отнюдь не отчаивался – он продолжал внимательно наблюдать. Ему удалось проследить, что ответственные телохранители провожают влиятельную хозяйку лишь до квартирной двери и что потом они покидают жилое здание, а следом тотчас же уезжают. Возвращаются утром. Поднимаются на двенадцатый этаж, почтительно встречают «модную госпожу», а дальше не покидают её на протяжении целого дня, пока весь суточный цикл опять-таки не замкнётся.

Туркаев решил шуровать без глупых осечек – наверняка! У старых знакомых раздобыл ручное оружие, представленное мелкокалиберным «десятизарядным» пистолетом системы Марголина; оно специально переделывалось под установку звукового глушителя. Ещё он посчитал, что правильнее захватить побольше пригодных боеприпасов.

Вооружившись, матёрый уголовник поднялся на верхний этаж, на тринадцатый, точно над нужной квартирой. Он скрылся под видом сантехника и свободно вошёл, сославшись на уважительную причину, мол, нижняя хозяйка пожаловалась на потолочную течь. Какое-то время мнимый работник усердно чего-то осматривал. Попутно он выяснил, что внутри проживает молодая семья совместно с немолодыми родителями (не то мужа, не то жены?). Ни те ни другие не представляли реальной опасности; а значит, можно начинать решительно «шилокрутить» – осуществлять жестокий идейный замысел. Глеб крикнул в ванную доверчивого супруга:

– Хозяин, зайди посмотри, кажется, трубу надо, подающую, вам менять.

– Да мы вроде только-только дорогой ремонт сделали?.. – заявил молодцеватый владелец, заходя вовнутрь и словно бы в чём-то оправдываясь. – Сказали, что качественный.

В дверном проёме показался совсем ещё юный парень, выглядевший на двадцать два года; худощавое телосложение, красивая физиономия, постоянно хлопавшие рыженькие ресницы да чуть смущённые голубые глаза позволяли угадать человека, по сути миролюбивого и, несомненно, интеллигентного. Одежда накидывалась чисто домашняя и демонстрировалась серым мужским халатом и однотонными тапочками.

– Не может такого быть?! – воскликнул нечестный ремонтник. – Похоже, вас обманули да под шумок впарили сущий, реально голимый, брак.

– Возможно, – согласился неопытный юноша.

Предположение случилось последним, что он успел осознать... Достав из подручной сумки заглушенный пистолет, Туркаев произвёл неслышимый выстрел, приставив стальное дуло напрямую к хозяйскому подбородку, с поражающим направлением снизу и в верх. Предусмотрительно подхватил осевшее туловище, чтобы звук падения не выглядел громким. Далее, помог медленно опуститься на кафельный пол.

Как ни старался злодейский выродок «сработать» по-тихому, но всё же не исключил сопутствовавших шумов: щелчка по ударнику, затворного продвижения, характерного звука, похожего на резкое движение воздуха. На личную беду, рядом проходила молодая, неплохо слышавшая, супруга. Уловив те необычные отзвуки, несколько неестественные слесарным работам, она поспешила зайти да воочию убедиться, что же в действительности творится.

Симпатичная девушка, одетая в короткий халатик, испугано моргнула голубенькими глазами, машинально тряхнула белокурыми локонами, исказила миловидную, продолговато вытянутую, мордашку и пронзительно закричала:

– Помогите!!! Здесь убивают!

В её, казалось бы, хрупком стане, обладавшим великолепной фигурой, присутствовал зычный голос. Туркаеву ничего не оставалось иного, как прекратить ещё одну ни в чём не повинную жизнь. Тем более что он и так собирался её убить, но разве немного позже. Безнравственный злыдень произвёл целенаправленный выстрел, ставший смертельным и попавший в

бесподобную, ничем не защищённую грудь. Тоненькая одежда моментально обагрилась тёмной, вытекавшей из юного сердца кровью. Оседая, беспечная хозяйка успела отчаянно крикнуть, но, правда, немногим тише:

– Помогите!

В следующий момент, произведя повторный выстрел, направленный в голову, Глеб хладнокровно перешагнул через распластавшееся по ходу мёртвое тело. Закончив с людьми молодыми, отправился к пожилым родителям.

Пятидесятилетний мужчина производил впечатление неслабого человека, способного достойно сопротивляться: худой, но жилистый корпус дышал невозмутимой уверенностью да неуёмной энергией; поседевшие волосы, сочетаясь с разгневанным взглядом, придавали внешнему облику отважной решимости. А ещё! Услышав предсмертный вскрик, он бросился отпирать металлический сейф, где хранилось огнестрельное вооружение, оформленное для личной обороны, всегда готовое к применению. Пока взволнованный мужчина возился с двумя замками, явился Туркаев; предупредительным выстрелом, направленным в отцовскую голову, он выбил любые помыслы, подводившие к необходимой самозащите.

Убить седовласую женщину, ровесницу покойного мужа, отличавшуюся малой подвижностью (видимо, из-за явных проблем с ожирением?), для опытного преступника особенного труда не составило.

Закончив грязное дело, отъявленный бандюга надёжно запер входную дверь и дотошно обследовал хозяйское помещение. Найдя крепкую витую веревку, привязал её к балконным перилам и по ней же спустился на нижний этаж. Оконные ставни остались не заперты, и нежданному гостю не пришлось разбивать прочные наружные стекла, что грозило наполнить придомовую округу и дополнительные, и нежелательными шумами. Затеяливо очутившись внутри, Туркаев основательно осмотрелся и нашёл бумажные ассигнации, спокойно лежавшие в специальном носимом кейсе; общим номиналом они доходили до фантастической суммы, равной полмиллиона долларов. Тут же, в обнесённом жилище, отыскав дорожную сумку, переместил добытые деньги туда. Проследовал в спальную комнату и в мстительном предвкушении остался дожидаться несведущую хозяйку, нахально развалившись на белоснежной кровати. Время приблизилось к двум часам пополудни; до возвращения подстерегаемой жертвы было ещё далеко, и бесчувственный злоумышленник предварительно решил как следует выспаться. Наглый взломщик нисколько не задумывался, понравится ли его прямое вторжение или нет; напротив, он чувствовал себя бесстрастно спокойным и вообще не переживал из-за кошмарного случая, несколькими минутами раньше произошедшего наверху. Как уже говорилось, всю чёрную работу в бывшей банде проделывал Глеб, поэтому убивать невинных людей для него стало делом незатеяливым, совершенно обыденным.

Глава II. Покушение

Примерно за неделю до описываемых событий Корнилов Эдуард Владиславович пригласил очаровательную избранницу, как и обычно, поужинать и привёл её в лучший, наиболее респектабельный, ресторан. Удобно расположившись, солидный мужчина и молодая женщина, едва оказавшись за изысканно накрытым столом, принялись обсуждать праздничные мероприятия, намечавшиеся в связи с их брачным союзом. Жили они пока раздельно, но после торжественной росписи планировалось, что нынешняя невеста переедет жить к мужу; пока же тот (от греха подальше!) приставил к ней двух профессиональных телохранителей.

В ходе приватного разговора обсуждались организаторские вопросы, и всё выглядело вроде бы как нормальным, пока Екатерина, озабоченная, неожиданно не спросила:

– Послушай, Эдуард, в последнее время меня не покидает необъяснимое, какое-то тревожное, чувство. Мне кажется, или произойдёт чего-то очень и очень страшное?

– Катенька, перестань. У молоденьких девушек, перед скорой свадьбой, всегда похожие ощущения, – уверенно заявил Корнилов, не удержавшись от лёгкой ухмылки.

– Нет, тут что-то другое?.. Как будто из прошлой жизни, словно кто-то меня преследует. Знаешь, обострившаяся интуиция мне просто кричит: «Берегись!» – и ни на миг не позволяет хоть чуточку успокоиться.

– Не переживай, – убеждал самоуверенный генерал, – тебя оберегают двое лучших охранников. Порученное дело они представляют, как никто другой в целом огромном свете, и не подпустят даже шальную муху, если та наберётся бестактной решимости.

– Я знаю, – ответила Ветрова, – но всё равно переживаю и не могу нормально работать.

– Хорошо, – очевидно посчитав опасения отнюдь не беспочвенными, заключил Эдуард Владиславович, – с сегодняшнего дня, и пока тебя не покинет чувство грядущей опасности, будешь всегда носить лёгкий, но прочный бронежилет. Под одеждой его незаметно, так что серьёзных изменений в прекрасной внешности, поверь, не наступит; сама же считай, что он является всего-навсего дамским корсетом.

– Да, так, пожалуй, намного спокойней, – согласилась Екатерина, а в следующий миг задалась вторым немаловажным вопросом; он страшно её волновал и казался ни много ни мало, а очень существенным: – Что Бестужев? Может, тревожные опасения как-нибудь связаны с ним?

– Уверен, нет. Вернувшись тогда из Америки, Барона представили к правительственной награде, а узнав официальную версию, тот вообще заткнулся и не пытается никого разубедить либо чего-то доказывать. Вдобавок сейчас он находится на нашей с тобой стороне и продолжает исправно служить российскому государству, напрямую подчиняясь твоему будущему супругу.

– Да, но он может начать чего-то раскапывать, причём по собственной – «назойливый мальчик», вечно везде сующий свой длинненький носик – по личной инициативе.

– Вот как раз последнее предположение случится навряд ли, – промолвил Корнилов, душевно заулыбавшись, – инициатива у нас, у подчинённых оперативников, – дело сплошь наказуемое; то есть никто без ведома вышестоящего руководства предпринимать ничего не рискнет, да, в принципе, и не станет. Как я уже говорил, вся агентурная сеть, в том числе и Бестужев-Барон, находится в моём прямом подчинении. Помимо прочего – что, кстати, не менее важно! – его сейчас нет: он находится далеко и выполняет долговременное задание, опасное, необычайно ответственное. Я полагаю, хватит его года ещё на три, а может, и на четыре.

– Прекрасно, – отмахнув неявное подозрение, промолвила одна из несравненных красавиц, – хоть с его стороны неприятностей ждать пока не приходится. Поверь, после того страшного случая, произошедшего в поганой Америке, я живу как будто чужая... столько народу тогда погибло.

– Это были не люди, а настоящие преступные выродки! – настаивал генерал-лейтенант, пытаясь успокоить нечистую совесть. – Сама посмотри: мы сделали сугубо полезное дело, и обычным людям сейчас становится жить намного легче, гораздо комфортнее.

– Здесь не поспоришь... В любом случае, чем старше я становлюсь, тем больше меня тревожат ночные кошмары, а мёртвые бандиты встают каждый раз, едва я закрываю глаза, и снятся потом по ночам, – Екатерина печально вздохнула, а немного подумав, добавила: – Да и не только одни они...

Корнилову, как никому, была известна бóльшая часть ветровской жизни, поэтому он предупредительно промолчал. Прошедшие события дальше не обсуждали, неприятная тема больше не поднималась; единственное, Екатерина стала носить удобный бронежилет, дополнительно согревавший в октябрьское ненастье, дождливое и промозглое.

* * *

Проснулся Туркаев внезапно: его разбудил хлопок железной двери, произведённый резче обычного. На улице давно уж стемнело, и спальная комната погрузилась в жуткий, если не таинственный полумрак. Бандитские глаза, видевшие словно у пресловутой кошки, моментально привыкли к ночной темноте; они свободно различали силуэты находившихся внутри бытовых предметов и не видели ни лишнего, ни опасного. В невидимом помещении слышался лёгкий шум; он свидетельствовал, что небдительная владелица пришла абсолютно одна, без боевого сопровождения. Она свободно передвигалась, неприхотливо шурша нарядной одеждой. Глеб уселся на дамской кровати, ожидая, когда откроется последняя дверь, и возникнет неподражаемая хозяйка. Долгожданное появление случилось ровно через минуту. В спальном пространстве зажёгся свет, и на пороге появилась презренная женщина, такая восхитительная и такая ненавистная всему преступному пониманию.

Сегодня она оделась в солидный, по-деловому строгий, серый костюм. Расстегнув две верхние пуговицы Катька дошла до третьей, аккуратно до последней...

– Я дам тебе много денег, – произнесла она, поняв цель мстительного визита и смутно надеясь, что сможет купить себе жизнь.

– До твоего прихода я не сидел без дела и, как видишь, осмелился осмотреть твою респектабельную квартиру, – ответил Туркаев, хлопывая по вместительной, набитой деньгами, сумке, – так что баксы у меня теперь есть.

– Я дам тебе столько, сколько ты пожелаешь, – настаивала растерянная хозяйка, нервно перебирая немногие варианты счастливого избавления.

– Ничто не может сравниться с чувством, когда воздаешь по заслугам смертельным врагам и когда им мстишь за смерть обманутых братьев, – промолвил озлобленный Глеб, извлекая пистолет, снабжённый бесшумным глушителем; он произвёл три чётко прицеленных выстрела.

Как видно, даже расчётливая стерва оказалась неподготовленной к роковому повороту событий: излишний достаток притупляет должную бдительность. Две пули попали в бесподобную грудь, а третья, как полагается у профессиональных киллеров, напрямую в очаровательное лицо. Начиная падать от первых ударов, полученных в прочный бронежилет, прямо перед третьим выстрелом Вернер чуть запрокинула прекрасную голову, а теряя сознание, успела истерически вскрикнуть:

– Помогите!!!

Могучие телохранители, замешкавшиеся у лифта (словно по роковому стечению обстоятельств), услышали громкие призывы о помощи, жутко звучащие изнутри. Встревоженные, они бросились к металлической, наглухо захлопнутой створке. Не жалея больших кулаков, настойчиво заколотили по прочной оснастке, требуя им открыть да немедленно запустить. В ответ не слышалось ни единого, выдавшего живое присутствие, звука. Первый, похожий на киношного терминатора, обладал квадратным, почти звероподобным, лицом да мощной фигу-

рой. В кареглазом взгляде он не лишился здравомыслящего рассудка, поэтому набрал прямого руководителя и дрожащим голосом доложил:

– Эдуард Владиславович, произошло чудовищное ЧП: Екатерина Сергеевна зашла в квартиру, а после того как за нею закрылась дверь, закричала, призывая на помощь. Когда мы стали стучать, нам никто не открыл... подозреваем, с ней случилось большое несчастье.

– Что?! – на том конце установившейся связи бешено заорал Корнилов. – Вы что, с ума там, что ли, все походили?! Немедленно на место спецов с резаками – и... «скорую»! – на пару секунду замолчал, что-то быстро обдумал, а более спокойно добавил: – Впрочем, нет. Отставить! Я сам.

Элитный дом располагался почти в центральной черте, поэтому бригада «скорой помощи» явилась оперативно, ровно через десять минут. По прошествии ещё двадцати подкатали силовые штурмовики; предварительно им разъяснилась вся важность чрезвычайного происшествия. С невероятным проворством и применяя всевозможные режущие приспособления они принялись нещадно уничтожать металлические конструкции, какие устанавливались на входе в ветровскую квартиру. Подспорная операция заняла дополнительных десять минут. Пока маститые специалисты усердно трудились, прибыл и главный руководитель освободительного процесса; разумеется, он явил собравшимся людям генерал-лейтенанта Корнилова. Нервно расхаживая по этажному коридору, он с нетерпением ожидал, когда закончатся основные технические работы.

В то же время Туркаев спокойно, отлично зная, что дверь непростая и что, для того чтобы её успешно открыть, понадобится немалое, значительно долгое, время, привязал к верёвочному концу сумку с небывалой, просто огромной, добычей. Являясь достаточно развитым, легко взобрался на верхний этаж, а следом подтянул к себе витую бечевку, на конце которой болталась весомая ноша, содержащая добрых полмиллиона американских долларов (так он называл их то ли в шутку, то ли всерьёз?). Не торопясь проследовал к домовому лифту, на нём же спустился вниз. На уличном выходе дерзкий бандит лицом к лицу столкнулся с Корниловым; но тот находился в тревожном волнении, страшном смятении, вследствие чего не обратил на Туркаева, одетого в сантехническую спецодежду, никакого внимания, как будто того и не было. Глеб же, уступая ему дорогу, машинально отвернулся в противную сторону. Эдуард Владиславович отлично знал его покойного брата, и заострившись он на странном работнике более чем внимательно – мог бы, не побывав ещё на конкретном месте, с точностью вычислить, что именно случилось у знойной избранницы. Но! И он не лишился нормальных человеческих слабостей, поэтому и спешил сейчас к наречённой невесте, ничего перед собою не видя и взирая на всех, как сквозь изрядно затуманенные очки. Так генерал и появился, надеясь, что, поспешивший, найдёт мучительную разгадку, оказавшись во внутриквартирном пространстве.

Едва входной проём успешно освободился, он первый бросился внутрь, предварительно приведя в боевую готовность табельное оружие. Нечеловеческим воплем влюблённый офицер возвестил о страшной трагедии...

– Все сюда, немедленно!!! – прокричал он после иступлённого возгласа, будоражившего кровь и наполненного горечью тяжёлой утраты.

Вслед за генерал-лейтенантом заторопились гражданские медики – они поспешили осмотреть пострадавшую женщину. Как и ожидалось, лёгкий бронежилет, находившийся под белоснежной блузкой, остановил две свинцово-стальные пули; следовательно, ни внутренние органы, ни прекрасная грудь, исключая парочку не смертельных ушибов, в общем не пострадали. Но милая голова?! Во лбу имелось маленькое отверстие, окаймлённое запёкшейся кровью, – не вызывало сомнений «о наступлении драматических, крайне печальных, последствий».

Хотя потрясённый офицер и относился к высоким чинам, но он не удержался от искренней скорби. Он живой человек, и ничто людское было ему не чуждо. Разбитый поклонник

бросился на кровать, а по-детски рыдая, рвал на себе и без того не частые волосы. Внезапно! Один из медбратьев диким, не подлежавшим возражению, голосом предупреждающе заорал:

– Всем тихо!!!

Мгновенно наступила мёртвая тишина. Удерживая правую руку на миленькой шее, у самого горла, медицинский специалист гораздо тише промолвил:

– Есть пульс... она жива.

После последних слов пришёл в себя и Корнилов. Моментально собравшись, он резко скомандовал:

– Немедленно в «склиф» её – прямо в отделение нейрохирургических операций.

Самолично помогая в осторожном перемещении, высокопоставленный командир стал спускать несчастную избранницу на подручных носилках вниз. Военные спецназовцы, оставшиеся на месте, получили жёсткое указание:

– Обыскать здесь всё, чтобы маленькая мышка не выскочила. За исчерпывающую информацию отвечаете лично!

– А вы?.. – обратился суровый генерал к проштрафившимся телохранителям. – Либо принесёте злодейскую голову, либо идите ищите другую работу. Можете верить, после того как вы провалили вверенный вам объект, вам вряд ли удастся найти чего-нибудь стоящее.

Высказывание выглядело правдивым, и возразить оказалось нечего.

Глава III. Путь до больницы

«Скорая» «летела» по проспекту Мира, устремляясь в направлении научно-исследовательского института им. Н.В. Склифосовского. Внезапно, чуть не доезжая улицы Сельскохозяйственной, машина остановилась.

– Что случилось? – грубо обратился к водителю генерал-лейтенант Корнилов.

За рулём сидел молоденький парень, не достигший тридцатилетнего возраста; округлое симпатичное лицо выделялось смущёнными голубыми глазами и пухлыми щёками, размявшимися от нервного напряжения; полная фигура говорила о малоподвижном, в основном сидячем, образе жизни. Облачился он, как и положено, в форменную куртку, выдававшую принадлежность к организации «скорой помощи». Еле сдерживая нешуточное волнение, растерянный парень с дрожью ответил:

– Впереди дорожная пробка: произошло какое-то крупное ДТП и навряд ли получится ехать дальше.

– Так чего же ты ждёшь?! – не скрывая яростного негодования, отрезал Эдуард Владиславович. – Разворачивайся и поезжай дорогой другой – и давай пошевеливайся! Если мы её не доведём, я займусь тобой – лично!

– Не могу, – чуть не плача, промолвил смятенный шофёр, – задний проезд загородили другие автомобили – у меня и развернуться сейчас не получится.

Корнилов вышел на основную трассу. Действительно, они попали в ужасную пробку и не виделось возможности ни ехать вперёд, ни возвратиться назад. Он нервно заходил туда-сюда-обратно, перебирая различные варианты, способные помочь быстрее доставить раненую в больницу. Вдруг! На ум пришла навязчивая идея. Сообразительный генерал достал массивный мобильник (те только-только начинали входить в общественный обиход) и, набрав необходимый номер, жёстко распорядился:

– Транспортировочный вертолёт! Срочно пришлите к проспекту Мира – к пересечению с улицей Сельскохозяйственной! – на секунду задумался, но, видимо, посчитав, что нужно эвакуационный процесс немного ускорить, гневно добавил: – Быстро!!!

Сотовый аппарат мгновенно убрался обратно, а значит, поняли его правильно, отказать не отважились. Распорядившись, влиятельный офицер продолжил мысленно нервничать и мерить шагами забитую мостовую. Тревожное ожидание надолго не затянулось: суровое приказание исполнилось и точно, и в срок. Летательный транспорт, необходимый в экстренной ситуации, появился по прошествии каких-нибудь двадцати минут; им оказался многоцелевой маломестный «Бк-117», предназначенный для перевозки как девяти пассажиров, так и различных, не слишком тяжёлых, грузов. По техническим характеристикам лётная машина способна к разнообразным задачам – от скорой эвакуации тяжёлых больных, до успешного участия в антитеррористических операциях. Она оснащалась тремя дверями: двумя – боковыми; задней – одной.

Приземлиться не получилось, и опытный пилот, показывая виртуозное мастерство, завис над общим машинным потоком. Предпринятый манёвр совершался со строго определённым расчётом: во-первых, чтобы оказаться вовсе неподалёку; во-вторых, чтобы едва не касаться ближних транспортных крыш; в-третьих, чтобы при очень большом желании, да на вытянутых руках, перегрузить брезентовые носилки из салона реанимационного в летающее передвижное устройство, подоспевшее по строгому назначению.

Нетрудно догадаться, стремление явилось, ну! просто огромным, и, под чутким руководством генерал-лейтенанта, раненая особа благополучно переместилась в мобильное средство передвижения. Закончив погрузочный цикл, Эдуард Владиславович не решился оставить бесчувственную избранницу без собственного присутствия и тоже забрался внутрь маломестной

«вертушки». Вдобавок он посчитал, что обязан взять с собой и одного из медбратьев, одетого в специальную одежду работников «скорой помощи». Им оказался невысокий мужчина, достигший среднего возраста, с седеющими висками, с круглым приятным лицом и с едва заметными чёрными усиками.

До отделения нейрохирургии НИИ Н.В. Склифосовского добрались быстро, не превысив пятнадцать минут. Умелый пилот, продолжая показывать неподражаемый артистизм, благополучно посадил летательный аппарат практически у входа в приёмное отделение. Непоседливый генерал, не в силах справиться с душевными муками, тем же мигом спрыгнул на землю и забежал в больничное здание. Уподобляясь грозному коршуну, влетел он в первичное помещение. Едва увидел мирно сидевших медицинских сестёр, Корнилов, не забывая о нецензурной брани, громким голосом заорал:

– Вы чего здесь расселись?! Ну-ка быстро принимать раненую больную! На операционный стол её – сразу же! И пошевеливайтесь!

– Да, собственно, кто Вы такой? – возразила симпатичная девушка, одетая, как и положено, в белый халат, немного укороченный и ничуть не скрывающий великолепные ноги. – И почему мы должны Вас непременно послушаться?

– Я очень не советую узнавать, кто именно я такой, – бесцеремонно рыкнул влиятельный командир, – а тем более знакомиться со мною поближе. Если вы на минуту ещё задержитесь, то, поверьте, я создам вам – таки-и-е! – проблемы, что вы навсегда забудете о медицинской карьере, да и куда вообще потом не устроитесь!

Как ранее говорилось, самоуверенный офицер, единственно, одним своим видом внушал невольное уважение, подобострастное чувство, что непременно следует подчиниться. Повинуясь устойчивому стереотипу, уступчивая медичка прекратила опасные споры и торопливо засобиравшись исполнить прямые обязанности – поспешила к раненой пациентке.

Пока выгружали специализированные носилки, Эдуард Владиславович хлопотал поблизости, с откровенной грубостью всем выговаривая:

– Аккуратнее, «олухи»! Вас что, совсем не учили, как обращаться с бесчувственными больными?! Нежнее всё нужно делать, и деликатнее!..

Заносчивый, он проследовал вплоть до операционной палаты; там его остановил не менее строгий нейрохирург, который и собирался проводить спасение подстреленной пострадавшей. На грудном служебной «бейджике» значилось: «Нейрохирург Бронислав Сергеевич Винкерт». Пожилой мужчина, с ростом чуть выше среднего, с серыми уверенными глазами, он стойко выдержал грозный начальственный взгляд. Становилось более чем очевидно, что ему не впервые приходится сталкиваться и с негативным обращением, и с яростным натиском; а значит, он точно знает, как следует поступить и в таких, и в подобных им случаях. Его серьёзное, чуть вытянутое лицо, отмеченное продолговатыми углублениями, ничуть не меньше свидетельствовало, что вряд ли он соберётся уступить – кому бы то ни было! Будто бы подтверждая, суровый доктор спокойно, но решительно обозначил:

– Гражданин, Вам придётся чуть-чуть обождать – посидеть в общественном коридоре.

– Нет! – возразил ему гневно Корнилов, – я генерал ФСБ! Моё положение даёт огромные полномочия! Хотите того или нет, я буду присутствовать при хирургической операции!

– Только в том случае, – настаивал Винкерт, – если перешагнёте через мой безжизненный труп. Правда, тогда Вам самому придётся заниматься умирающей девушкой.

– Да-а?.. – почти сдаваясь, засомневался влиятельный офицер, говоря значительно более уравновешенным тоном. – Но я хочу присутствовать – и всё видеть лично.

– Извините, но так не положено! У нас тоже есть строгие правила да писанные инструкции. Скажу больше, пререкаясь, мы тратим драгоценное время; от него, между прочим, напрямую зависит жизнь раненой пациентки, – выдал несговорчивый врач за полновластное заключение, а хлопнув двустворчатой дверью, отправился к рабочему месту.

* * *

В то же время, пока происходила напряженная транспортировка несостоявшейся супруги Корниловой, двое охранников проводили оперативные процедуры, направленные на розыск отпетых преступников. Первым делом необходимо остановиться на личностных качествах. Первый, что внешне походил на пресловутого терминатора, звался Рыковым Григорий Михайловичем. Имея квадратное лицо, он обладал и мощной фигурой; серо-зелёные большие глаза излучали добросовестный взгляд, не до конца лишённый аналитического рассудка; огромная голова, остриженная под коротенький «ёжик», походила на переросший, вот-вот готовый лопнуть, капустный кочан. Неброская одежда включала чёрный, как у секретных агентов, плащ, однотонный костюм и красный, чуть больше оранжевый, галстук; туфли виделись новыми, прочными, считались, наверное, дорогими. Второй, по фамилии Громов, по имени Михаил, по отчеству сын Петра, внешне мало чем отличался, разве выглядел чуть крупнее и выделялся немислимой силой, сравнимой с человеком-горой, непобедимым и непрístupным. К сожалению, одаряя невиданной мощью, Бог совсем лишил его практического разума. Последнее утверждение чётко прослеживалось в сереньких «пороссячьих» глазках, выразивших если и не полное, то частичное тупоумие. Бесстрастная физиономия, круглая и широкая, отмечалась наголо обритой ровной башкой; к ней прижимались ровные, словно влитые, уши – в общем, и то и другое лишь дополняло полное сходство с бездумной «торпедой» (человеком, лишенным собственной воли и привыкшим выполнять любые приказы, какими бы безрассудными они не казались и как бы трудно не приходилось, мало задумываясь о грядущих последствиях). Оба они приставились к Вернер Екатерине дневными телохранителями, и мало б кому пришла крамольная мысль пуститься с ними в открытое, по-идиотски тупое, противоборство. В похожих случаях, на смену внушительной силе приходит звериная хитрость, что и продемонстрировал бандюга Туркаев, недавно освободившийся из мест тюремного заключения. Но?! Как раз о нём-то обоим проштрафившимся охранникам и не было ведомо. Поставленную же генералом прямую задачу требовалось (хоть тресни!) по-быстрому выполнить. Заодно искупить ту непростительную небрежность, какую допустили в охране бесценной жизни, вверенной под неусыпное попечение.

Подключив к оперативному розыску и бойких спецназовцев, принялись активно обследовать все имевшиеся в подъезде жилые квартиры.

Глава IV. Обыск дома. Операция

На двенадцатой лестничной площадке располагалось четыре квартиры. Две соседние (что рядом с Вернер) оказались тоскливо пустыми, в третьей проживала одинокая женщина, дожившая до престарелого возраста. Узнав, что зовут её Семечкина Ангелина Ивановна, Рыков обратился с насущным вопросом:

– Что, бабушка, а не случилось ли за последнее время в вашем подъезде чего-нибудь подозрительного?

– Конечно, милок, – честно призналась откровенная собеседница, – вот, скажем, сегодня собралось много военных людей; они зачем-то «искурочили» чужую квартирную дверь – как, по-твоему, разве это неподозрительно?

– Да нет, не то... – разочарованно заметил ей Громов, – про женщину мы знаем... может, чего-то ещё?

– Например, – добавил Григорий Михайлович, – не заходил ли в подъезд кто-нибудь незнакомый? Сразу прошу: нас и военных спецназовцев во внимание принимать не стоит.

– Как же, сынок, – вдруг вспомнила Семечкина, – проходил сегодняшним днём немного странный мужчина... На вид, мне показалось, сантехник – и инструментальная сумка вроде при нём, как оно и положено? – но это, уж точно, никакой не местный водопроводчик.

– Почему такая уверенность? – ухватился за «тонкую ниточку» более разумный телохранитель.

– Всех наших ремонтников я знаю наперечёт – а этот явно какой-то чужой.

– Может, его прислали кому-нибудь на замену? – продолжал уточняться Рыков, недоверчиво хмурясь. – Или же, предположим, только устроился?

– Нет, – уверенно констатировала старая женщина, – он никакой не рабочий.

– Почему? – искренне удивился Громов.

– Весь его дерзкий вид отчётливо говорил, что он, скорее, кровавый бандит, чем кто-то другой.

– Как так? – продолжал Михаил Петрович дивиться старушечьим рассуждениям.

– Всё очень просто, – разъяснила Ангелина Ивановна несложные наблюдения, – рожа наглая, взгляд волчий, идёт чурается – словом, ведёт себя как будто бы на охоте, а главное, ни с кем не здоровается. Одно моё мнение – ярый бандит.

– Наблюдение значимое, – вставил Григорий Михайлович, – а как, простите, Вы его сделали?

– Очевидно, голубчик, ведь я с ним на лестничной клетке встретила и воочию лицезрела.

– Что же Вы, бабушка, в милицию не просигнализировали? – искренне удивился Рыков. – Если он, по-вашему, так походил на злого уголовника?

– Сейчас каждый второй – отпетый преступник. Так что ж, на всех, на них, властям сообщать? – сделал категоричное заключение, Семечкина лишней раз доказала, что вовсе не лишена осмысленной логики. – Я думаю, там, – она подняла указательный палец вверх, – и так про всё знают – дык чего же занытых людей зазря отвлекать?

Замечание представлялось на диво закономерным, и возразить было нечем: преступная активность, и правда, находилась на крайне высоком уровне. Полагая, что искать у дряблой старушенции запоздалые угрызения – это не совсем, чего им так нужно, телохранитель «номер один», продолжая допытываться, спросил:

– Интересно, куда подозрительный сантехник девался впоследствии?

– Наверх, сыночек, отправился, – ответила Ангелина Ивановна, – а вот как спустился, извините, не видела. К кому он пошёл и зачем, я тоже не ведаю, потому что – как уже и сказала – он даже не поздоровался. Затеять ознакомительный разговор я попросту не решилась.

И снова мысли представлялись вполне логичными, и опять никто из ответственных лиц не нашёлся, чем возразить словоохотливой женщине. Выразив душевную благодарность, вся поисковая группа отправилась дальше и перебралась на следующую, верхнюю разделительную, площадку. В трёх квартирах им открыли благополучные, внешне благонадёжные, люди. Они представили необходимые объяснения, оказавшиеся исчерпывающими, не нёщими полезные сведения. Но вот четвёртая, расположенная над ветровской, запиралась настолько «надёжно», что создалось стойкое впечатление, что «повинные» обитатели чураются специально. Похожее предположение обуславливалось ещё и соседскими объяснениями, согласно коих внутри хоть кто-нибудь да непременно находится.

После десяти минут настойчивых стуков, бесконечных звонков, ни у кого не вызывало ни малых сомнений, что открывать необходимо самим. Спецназовские силовики приняли единственно правильное решение: с помощью электромеханических резаков они споро уничтожили стальную конструкцию, создававшую устойчивое дверное препятствие. Время у них ушло гораздо меньшее, чем в случае с нижней квартирой, так как материал оказался не сильно и прочным. Когда появилась возможность проникнуть внутрь, первыми зашли уполномоченные телохранители – и... тотчас же обомлели: им представилось ровно четыре тупа, умерщвлённых бесчеловечно, безжалостно, всей дружной семьёй. Нетрудно догадаться, ими являлись двое молодых людей и пожилые родители. Вид казался не просто ужасным, а навеял определённую долю сплошного уныния; та методичная последовательность, она же варварская жестокость, с какой уничтожались все местные обитатели, неприятной тоской отзывалась даже в чёрствых сердцах выдавших виды воинов, бойцов специальных подразделений. Зыбкой надежды задержать отпетого негодяя где-нибудь здесь, в непосредственной близости, больше не оставалось.

Внимательно осмотрев расстрелянную квартиру и никого в ней не обнаружив, Рыков высказал тоскливую мысль, наиболее очевидную, на редкость разумную:

– По-видимому, и здесь мы чуть-чуть опоздали.

– Опоздали? – уточнился зачем-то Громов.

– Ты что, ничего не понял?

– Чего я должен понять? – недоумевал телохранитель «номер второй», не отличавшийся здоровыми мыслительными процессами.

– Миш, ты спрашиваешь серьёзно или же притворяешься? – удивился разумный охранник. – Ведь тут же всё ясно, как дважды два: во-первых, перед нами здесь побывал тот беспредельный головорез, который и стрелял в Екатерину Сергеевну; во-вторых, отсюда он спустился в неохраямую квартиру; в-третьих, спокойно дождался несведущую хозяйку; в-четвёртых, аналогичным способом, и никуда не спеша, вернулся назад; в-пятых, одетый в «спецуху» сантехника, преспокойно ушёл, не привлекая навязчивого внимания.

– Да?.. И кто это, по-твоему, был? – нахмурился неразумный напарник, словно пытаясь победить непростую задачу, неразрешимую ни для кого из присутствующих.

– Вот именно его поганую личность нам и поручено выяснить, – резко отрезал Рыков, а следом угрюмо добавил: – Похоже, здесь всё, нам делать нечего... Поехали в «скилиф», доложим щепетильному генералу и получим корректные указания. Хотя он и грозит, что всех уволит, но всё одно никого не выгонит; с его же умной башкой мы быстрее нападём на след безжалостного, заведомо отвратительного, преступника.

– Верно, – без зазрения совести согласился с ним Громов.

Закончив непродолжительный разговор, неудачливые телохранители направились напрямиком в институт Склифосовского. Прибыв в нейрохирургический комплекс, путём неза-

мысловатых расспросов без труда отыскали Корнилова. Тот успел навести «авторитетного шороху», и, когда обозначалась конечная цель, все прекрасно понимали, о ком ведётся конкретная речь. Найдя беспрекословного командира, Рыков, считавшийся главным, доложил о жутком происшествии, случившимся наверху. С унылым сердцем он сообщил, что дерзкому злодею, пакостному подонку, вопреки предпринятым мерам, посчастливилось улизнуть. Для большей убедительности не преминул заметить, что скрылся «подлый мерзавец» задолго до появления группы-захвата.

Генерал являлся благоразумным, целиком здравомыслящим, и он прекрасно осознавал, что недалёкие телохранители несколько не виноваты. Им же самим установился чёткий регламент, согласно коему они провожали Екатерину только до личных дверей. Чего-то дотошно осматривать? В их основных обязанностях не значилось, и именно по его же досадной недоработке. Немного успокоившись, он понял собственные огрехи и велел им пока отдыхать – ожидать детальных инструкций.

Получив «высокое» разрешение, воодушевлённые недотёпы отправились по домам. Корнилов остался в больничных просторах, намереваясь дождаться успокоительных результатов.

Сложная операция продолжалась больше семи часов. Эдуард Владиславович всё время просидел в протянутом коридоре, находясь в мучительном ожидании; он так ни на секунду и не сомкнул покрасневших глаз. Вдруг, когда тяжёлая усталость начала его вроде бы побеждать, дверь операционной торжественно распахнулась, и на пороге появился небезызвестный Винкерт, проводивший чудесное воскрешение. Утерев вспотевший лоб, он уверенной походкой направился к смятенному офицеру. Тот нетерпеливо поднялся навстречу.

– Как, доктор? – не замедлил спросить встревоженный воздыхатель, мысленно готовый к самому худшему. – Что-нибудь ясно? Она выкарабкается – жить будет?

– На последний вопрос ответить довольно сложно, – отвечал Бронислав Сергеевич, как и все квалифицированные врачи, наводя побольше сплошного туману, – случай в моей практике попросту уникальный, ничего подобного я раньше не видел. Поэтому делать однозначные заключения пока ещё рано.

– Но всё-таки, как она? – настаивал растерянный генерал. – Хотя что-то сказать Вы можете – например, в каком прооперированная девушка находится состоянии?

– Оно стабильное. В себя она пока не придёт, – рубленными, заученно стандартными, фразами констатировал искушённый доктор одному ему понятные истины.

– Почему?! – неподдельно изумился Корнилов.

– Потому что погрузилась в беспробудную, напрочь глубокую, кому. Надо понимать, область человеческой прострации достаточно ещё не изучена.

– В каком смысле? Пожалуйста, объясните...

– Пойдёмте ко мне в кабинет, я попробую не рассказать, а показать на наглядном примере.

Разносторонние собеседники проследовали в служебное пространство врача-нейрохирурга, находившиеся в конце коридора. Оказавшись в привычных условиях, медицинский специалист, разложил рентгеновские снимки и приступил к обстоятельным разъяснениям:

– Дело настолько необычное, насколько ничего похожего мне раньше видеть не приходилось – вот посмотрите... – хозяин кабинета повесил на специальное, изнутри подсвечивающее, устройство изображение женского черепа, сделанное рентгеновским снимком; взяв коротенькую указку, учёный доктор продолжил: – Пробив лобную кость, пуля, внутри черепной коробки, изменила первоначальное направление и – что удивительно? – прошла через узкий проём, расположенный между правым и левым полушарием верхних отделов мозга; она практически не повредила нервные окончания и вышла через верхнее темя. Условие удачное? Вроде бы, да. Но ударная сила, априори термическое воздействие, всё-таки оказали разруши-

тельное давление на кровеносные сосуды, подпитывавшие отдельные мозговые нейроны. Как пагубное следствие, образовалась обширная гематома.

– Удивительно, – вставил Корнилов, – и что же теперь?

– Негативное образование, – продолжил неутомный нейрохирург, – частично локализовано, но некоторое мозговое пространство всё ещё остаётся без нормальной циркуляции крови; то есть отдельные функции выполняются либо неправильно, либо не до конца.

– И нестабильное положение служит основной причиной долгой потери сознания? – попытался угадать высокопоставленный офицер, в то же время без памяти влюбленный мужчина.

– Совершенно верно. Потому-то и нельзя определённо сказать: будет ли она жить или нет, вернётся к ней сознание, или так она и будет в глубоком беспомоществе? Сейчас нужно лишь ждать. Вам я посоветую идти покамест домой да основательно отдохнуть, не то на Вас смотреть страшно, того и гляди, от усталости сами сознание вот-вот потеряете. Любое переутомление в зрелом возрасте чревато опасным инсультом. Оставьте мне телефонный номер, и, если возникнут какие-то серьёзные изменения, я Вам немедленно сообщу.

– Пожалуй, Вы правы, – согласился утомлённый избранник, а следом прибавил: – Я пришло на охрану двух верных людей; они останутся постоянно дежурить возле её палаты. Вы же, Бронислав Сергеевич, – восстановив душевное равновесие, он немного посогнал спесивую гордость и обращался, как полагается, уважительно (ему отлично понималось, что от этого человека зависит судьба безумно любимой женщины), – поместите её, пожалуйста, в отдельные, обязательно благоустроенные, апартаменты.

– Ваша просьба вполне осуществима, – закончил добродетельный доктор, оказавшийся вовсе не строгим, – не волнуйтесь, так именно мы и поступим.

Эдуард Владиславович вышел наружу, позвонил Рыкову с Громовым и велел им немедленно возвращаться в оставленную больницу. Дождавшись их быстрого появления, Корнилов выразил им чёткое пожелание, не подлежащее никакому сомнению:

– Вот что, дорогие ребята, с сегодняшнего дня вы переезжаете жить к палате Екатерины Сергеевны и находитесь здесь, пока она окончательно не очнётся и пока отсюда не выпишется. И смотрите: постарайтесь не облажаться, а следите так, чтобы ни одна, даже мелкая, мышка не просочилась. Всё ли вам, любезные братцы, понятно? – Он неприкрыто язвил.

Услышав самозабвенные заверения, что поняли его правильно и что в настоящем случае (уж точно!) ничего из ряда вон выходящего не случится, успокоенный генерал, устроив круглосуточный пост, отправился восвояси.

Екатерина в тот же самый момент находилась между жизнью и смертью, а в её воспалённом мозгу проносилась вся прошлая жизнь, возникшая в тяжёлых воспоминаниях...

Часть вторая. Злосчастная красота

Глава V. Неблагополучная семья

Детство Ветровой Катеньки протекало в глубокой провинции, в небольшом городишке, не превышавшем десяти тысяч потомственных жителей. Спившиеся родители выделялись чрезмерным пристрастием, стойкой алкогольной зависимостью. Развращённая мать являлась ещё и женщиной лёгкого поведения. В их грязной квартире постоянно находились странно-ватые посетители; они охотно пользовались её безнравственными услугами, направленными на похотливую надобность. Некогда несравненная соблазнительница настолько превратилась в асоциальную личность, что недостойная плата (несмотря на значительный спрос, богатый выбор плótских клиентов) осуществлялась исключительно вино-водочными изделиями.

Давно смирившись с растленным срамом, отец принимал участие во всех разнузданных непристойностях, многочисленных оргиях, послушно дожидаясь очередную спиртную порцию. Вначале он лишился престижной работы, а следом ещё не одной, потому как не мог подолгу нигде удержаться. Закономерно сделался устойчивым безработным, едва ли не презренным бомжом.

Маленькая девочка росла в жестоких условиях: мать издевалась над ней, как только могла.

Говоря о внешних характеристиках, Ветрова Любовь Владимировна являлась молодой, едва достигшей тридцатилетнего возраста; красивое лицо носило неизгладимые следы долгого, системного пьянства (они выражались подглазными мешками, сморщенной, по-стариковски обрюзгой, кожей, синюшным оттенком); превосходно сложенное тело (начинавшее понемногу полнеть) довершало печальный, растленно опустившийся, образ; голубые, горевшие озорным огоньком глаза – единственное, что выдавало желание жить. Одевание являлось неброским и выдавало небрежное отношение, что ей без разницы, как она выглядит и какое производит на кого впечатление.

Отец, по поведенческим качествам, мало чем отличался от спившейся матери; вдобавок он был старше на целых пятнадцать лет. Худая физиономия, испещрённая бесчисленными морщинами, совсем не напоминала красавца мужчину, с каким познакомилась прекрасная чаровница Либбанька, когда она только-только освободилась из мест тюремного заключения. Первым делом коварная бестия увела завидного, во всём состоявшегося, мужчину из прежней семьи. За каких-то недолгих пять лет она сделала из Ветрова Сергея Геннадьевича неприглядного, вообще безвольного, старца; серые очи, некогда выразительные, теперь не выражали ничего, помимо безмерного желания мертвецки напиться; высокий рост сделался ссутуленным, сгорбленным и приближался к низкорослой жене, не выросшей выше среднего (а ведь раньше возвышался над ней почти на целую голову). Как он выглядит, второй родитель особенно не заикливался – относился беспечно, невнимательно, скорей наплевательски, а последние несколько лет одевался в вещи старые, от времени обветшалые.

В общем, родители маленькой Катеньки выглядели неприметным, едва не печальным образом. К наступившему моменту самой ей исполнилось всего лишь четыре годика. Добродушный отец относился к малолетнему чаду более снисходительно – возможно, он даже её любил? В отличие от него, суровая мать, ничуть не скрывая, говорила, что постылая дочка ей в страшную тягость и что послана свыше как жуткое наказание. При каждой провинности, пускай и никчёмной, совсем незначительной, она не забывала об этом напоминать, обижая чудовищными, не по родному озлобленными, попрёками. Как жуткое следствие, немилосердные побои и обидные оскорбления четырёхлетняя Екатерина терпела практически ежедневно. Ред-

кий случай, когда остервенелая мамаша уставала от беспробудного пьянства и когда она устраивала короткие перерывы. Протрезвевшая женщина вдруг вспоминала про забитую, везде несчастную, девочку и в те недолгие дни практически носила её на руках. Но! Сердобольные проблески случались нечасто и являлись для унижаемой дочери лучшими днями во всём её кошмарном существовании. В основном в зачумлённой квартире, где постоянно царили и полный хаос, и внутренний беспорядок, безвольному созданию приходилось и страшно и жутковато; но деться из того кошмарного ада ей было некуда. Постепенно к непомерно жестокому обращению Катюша привыкла, и даже считала его нормальной жизненной нормой.

В детском садике, куда её определили бесплатно (как дочь малоимущих родителей), давно уж привыкли, что за ней никто не приходит, и, как водится, отпускали Екатерину до дома либо одну, либо в сопровождении ближайших соседей. Однажды, вернувшись, она с ужасом обнаружила, как в одной из комнат непутёвая, напроочь развратная, мать ласкается с чужим, незнакомым ей, дядькой. Пьяный отец преспокойненько посапывал в других помещениях. Опешившая малышка безвольно застыла на пороге родительской комнаты, не в силах двинуться с места.

Через какое-то время Ветрова-старшая заприметила, что за ними с очередным ухажёром внимательно наблюдают. Резко оттолкнув полового партнёра, она стремительно встала. Быстрым шагом подошла к растерянной дочери, застывшей от непомерного шока. Остервенело схватила за длинные волосы и потащила в соседнюю комнату, где умиротворённо похрапывал опоённый родитель. Рассыпав в одном из углов сушёный горох, поставила плакавшую малышку на оба колена и злобно так, словно гадюка-змея, прошипела:

– Вот, «маленькая дрянь», теперь постой и подумай. Будешь знать, как без разрешения подглядывать за старшими взрослыми.

Заливаясь горячими слёзками, маленькая Катя просяще запричитала:

– Мамочка, прости... я больше так никогда не буду... честно.

Однако злобредная женщина была непреклонна. Создавалось некое нехорошее впечатление, что она получает от дочкиных страданий злорадное удовольствие. Украдкой Любовь улыбалась, а чем более та ревела, тем радостнее становилось извечно недовольное выражение. В тот раз жестокое наказание ограничилось всего единственным часом, показавшимся страдавшей малышке нескончаемой, поистине немислимой, вечностью. Постепенно, с течением времени, бесчеловечная мера воздействия вошла у осатанелой пьяницы в дурную привычку, и за любую провинность Катюша, предварительно хорошенько избитая, отправлялась в болезненный угол и вставала там на колени; она опускалась на сушёный горох, рассыпанный на постоянной, бессрочной основе. Нетрудно догадаться, труд его убирать никто на себя уж больше не брал. Итак, пропойца мамаша испытывала от детских мучений необъяснимое наслаждение, неуёмное, едва ли не сумасшедшее, угнетённое же дитя лишь копило ярую злость и закаляло бойцовский характер.

Постепенно Катюшка настолько привыкла к ежедневным побоям и нескончаемым наказаниям, что научилась не обращать на болевые ощущения большого внимания; она плакала уже не всерьёз, а в основном для вида, чтобы не раздражать мучительницу-родительницу. Живя в постоянных страданиях и злобном тиранстве, несчастная девочка достигла шестилетнего возраста. Родители её, непутёвые, к тому времени совсем деградировали. На развратную маму пылкие ухажёры заглядывались всё меньше и меньше, заходить же к ней продолжали лишь крайне асоциальные личности. И вот настало нездоровое время, когда в их доме нечего стало есть! Вернувшись однажды со школьных занятий (она пошла уже в первый класс), Катя неосторожно спросила:

– Мама, а чего мы будем сегодня кушать?

– Ах, тебе, «дрянная девчонка», ещё и жрать подавай?! – заорала полупьяная Люба, хватаясь одной рукой за девчоночьи волосы, а другой раздавая болезненных оплеух. – Пстой-ка, милая, в уголке, да ещё и на жёстком горохе: тебе, я вижу, невероятно понравилось.

Едва закончив с поучительной репликой, бессердечная женщина потащила бедную малютку на каждодневное «заключение». Не забывала она неистово приговаривать:

– Если хочется, «мелкая сучка», лопать, так пойдёшь же, «подленькая мерзавка», и укради. Кстати, «поганенькая тварь», и меня заодно накормишь.

Просить милосердной пощады оказалось бы бесполезно. Тем более что Екатерина телесной боли уже не чувствовала. С другой стороны, она хорошо себе усвоила, что если не будет плакать, то материнская ярость только усилится, и она придумает для неё чего-нибудь посерьёзнее. Озабоченная невероятной, но и весомой причиной, терзаемая малютка исправно рыдала – а лютая ненависть всё больше крепла и значительно нарастала.

Чтобы хоть как-то себя прокормить, шестилетняя девочка схлестнулась с компанией аналогичных детей, отверженных непутёвыми «предками» и оказавшихся бесконтрольными беспризорниками. Они занимались собирательством металлических отходов, железного лома, не всегда добывая его исключительно законными способами. Как злободневная очевидность, злая семейка оказалась под пристальным вниманием правоохранительных органов, в частности детской комнаты милиции; их поставили на превентивный учёт и «наградили» позорным клеймом «неблагополучной, социально опасной».

Так прошёл ещё один год, продлившийся в мучительных испытаниях, в суровых лишениях, в тревогах за будущее. Катя по-тихому, не привлекая мамино внимание, отметила тоскливое семилетие и стала готовиться к отчаянной мести, по-детски считая себя достаточно взрослой; она выжидала удобного случая. И вот! Однажды, зайдя после школы в срамную квартиру, она обнаружила, как мать её, аморальная, находится с тем же самым мужчиной, с которым засталась и в первый раз, ставший в крохотной жизни поистине знаковым. Оба ненавистных ей человека лежали в родительской комнате, развалились на их неширокой семейной кровати и оставались полностью голыми; мужской представитель был сверху. Полупьяный отец сидел перед подъездом на уличной лавке, впрочем, как и всегда, по сложившейся за долгие годы бесхребетной привычке; он терпеливо ждал, когда ему «разрешат» войти и когда угостят «заслуженной» выпивкой.

При виде, с одной стороны омерзительной, с другой – несправедливой, картины, вмиг напомнившей обо всех перенесенных мучениях да жутких страданиях, внутри семилетней девочки всё разом вскипело. Оскорблённое негодование усиливалось «за изгнанного родителя». Оставаясь на диво спокойной, Екатерина отправилась на грязную кухню; там она выбрала наиболее длинный нож. Взяла его в правую руку и вернулась в развратную комнату, где презираемая мамаша наслаждалась бесстыдным развратом – предавалась плотским утехам с давним любовником. Униженная дочка медленно подошла к ним сзади. Некоторое время наблюдала за энергичной мужицкой задницей, «питавшей» ненасытной любовью разнузданную родительницу. Девчачья нерешительность продлилась не больше минуты. Выбрав удобный момент, она с недетской силой, долгие месяцы копившейся ненавистью, всадила широкий нож в мужскую промежность – вонзила по деревянную рукоятку, на двадцать пять сантиметров лезвия. Извлекла обратно и молча осталась понаблюдать, что же случится в последующем.

Взвывая диким, каким-то умопомрачительным, голосом, раненый мужчина попытался скорее привстать; но... он так уже и не смог: его словно разбил периферический паралич. Вначале опешив, очумевшая женщина постепенно сообразила, что же всамделишно приключилось; она попыталась столкнуть умиравшего кавалера, истекавшего кровью и стонавшего в предсмертной агонии, – у неё ничего не вышло. Так оба они и застыли: он – истекая багровым ручьём; она – вереща от испуга и призывая на помощь.

Наблюдая за безумной, до дрожи неопикуемой, сценой, Катя силилась побороть очередное желание «вонзить острый ножик заодно и в голую развратницу-маму». Несколько раз она порывалась броситься; но... с огромным трудом ей удалось победить то сильное, неодолимое казалось бы, искушение. Хотя, если честно, оно являлось настолько великим, насколько прозвучи сейчас какое-то грубое слово – судьба растленной мучительницы была бы тотчас же решена. Как будто нечто такое осозная, смятенная женщина, глядя в ожесточённые дочкины очи, где-то уверенные, а в чём-то решительные, почувствовала приближавшуюся погибель и раболепно запрочитала:

– Катенька, миленькая, прости... не убивай ты меня, пожалуйста... я больше тебя никогда не обижу... я исправлюсь... честно-пречестно.

Бесстрастная девочка ничего не ответила, а стояла и мысленно боролась со страстным, сейчас неукротимым, желанием «закончить существование ненавидимой женщины». Постепенно пронзённый любовник затих, а тело его, безнравственное, смертельно обмякло. У нерадивой мамыши кое-как получилось его отбросить – скинуть на грязный, да ещё и изрядно окровавленный, пол. Дальше она изощрялась, поддавшись нормальному чувству выживания, инстинкту самосохранения. Осторожно обойдя вооружённую дочь стороной, перепачканная кровавыми выделениями, так ничем и не прикрывшись, мамаша помчалась на улицу, раздирая лужённую глотку громкими криками: «Помогите!!! Спасите!!! Здесь убивают!!!»

Когда приехали сотрудники местной милиции и лично увидели, что же в страшном итоге случилось, многим, даже выдавшим виды, стало не по себе. Невозмутимая девочка так и стояла посередине родительской комнаты; она оставалась с кровавым ножом, крепко зажатым в правой руке, и озиралась то вправо, то влево, как затравленный дикий зверёк, готовая в любую секунду броситься в последнюю, для кого-то явно смертельную, битву. С невероятным трудом удалось вырвать из маленьких ручек опасный резак. Неожиданно, когда к ней приблизились на близкое расстояние, Екатерина резко набросилась на ближнего офицера. Каким-то невероятным чудом удачливому милиционеру посчастливилось увернуться, а ополоумевшая бестия заметалась по крохотной комнате; она размахивала перед собою убийственным инструментом и не давала к себе приблизиться. В какой-то момент её схватили за худосочную, опасно вооружённую руку, успешно разоружили; но... обезумевшая Катюша, отчаянно извиваясь, продолжила рьяно брыкаться, остервенело кусаться и жёстко царапаться. Пришлось её связывать и колоть успокоительным препаратом.

Впоследствии Екатерина долгое время лечилась в психиатрической клинике, а по выходу её определили в детский приют, располагавшийся в небольшом провинциальном посёлке, со странным названием Сидорино-Городище. За время стационарного наблюдения, пока пригнетная малышка лежала в областном диспансере, проводилось тщательное расследование, где выявились страшные факты «жестокости обращения с малолетним ребёнком». Незамедлительно последовало волевое решение, подтверждённое неоспоримым судебным приказом «изъять Екатерину Ветрову из неблагополучной семьи». Порочные горе-воспитатели лишились родительских прав, а заботиться о содержании затравленного ребенка взялось советское государство.

Глава VI. Детский дом

Богоугодное заведение представляло собою красное двухэтажное кирпичное здание, с общей периметральной площадью не менее полутора тысяч квадратных метров; прилегавшая территория (где, помимо отдельно отстоявшей замызанной кочегарки, располагались и иные хозяйственные постройки) огораживалась двухметровым забором, выполненным из сваренных металлических прутьев; ворота являлись аналогичными, единственное, чуть выше, а на верхних стыках сводились под конус. Они оставались всегда надёжно запёртыми, а значит, самовольно покинуть неприглядное учреждение становилось практически невозможно. Именно сюда, в невзрачное здание, и прибыла семилетняя Катенька Ветрова.

Встретила её лично директор Злыднева Маргарита Петровна. По достигнутому возрасту она приближалась к пятидесяти годам и выглядела женщиной строгой, как водится грозной; зелёные глаза скрывались за толстенькими очками и бросали на подведомственных воспитанников ненормально строгие взгляды; вечно нахмуренный лоб лишней раз подтверждал, что она свыклась с предназначенной ролью «наводит на маленьких проказников и подсознательный страх, и раболепное подчинение»; пепельные волнистые волосы укладывались эффектной причёской; средняя полнота придавала солидной фигуре некую величественность, а заодно и внушала гораздо большее уважение.

– Здравствуй, Екатерина, – нахмурилась злобедная директриса, отобразившись присущей суровостью. – Зовут меня Маргарита Петровна. Я в детском доме главная, и меня здесь принято слушаться. Так же поступишь и ты. Если проявишься девочкой воспитанной и хорошей, мы непременно подружимся. В противном случае – когда ты вдруг посчитаешь, что сможешь хоть что-нибудь поменять – жизнь твоя, никчёмная, круто изменится, и ты познаешь всю тяжесть принудительных наказаний.

Катя слушала молча; она прекрасно понимала, что вряд ли ей в ДД окажется лучше, чем приходилось в постылом доме. Но! Делать нечего, злая судьба решила всё за неё – распорядилась, что теперь ей необходимо привыкнуть к новым невзгодам, тяжким лишениям. Наблюдая нарочитое безразличие, Злыднева с интересом спросила:

– Ты меня слушаешь, деточка?

– Да, Маргарита Петровна, я Вас слушаю, и очень внимательно, – последовал чёткий ответ; он высказывался хотя и маленькой, но рассудительной притворой-пройдохой.

– Тогда я продолжу... Живём мы здесь по заведенному распорядку: подъём в шесть утра; до шести часов десяти минут зарядка; до семи тридцати утренний туалет и уборка спален; далее – лёгкий завтрак; с восьми тридцати начинаются основные занятия, длящиеся вплоть до пятнадцати; в перерыве, в одиннадцать пятьдесят, – обед; по окончании занятий, получасовой тихий час; с пятнадцати тридцати и до восемнадцати тридцати личная самоподготовка; в перерыве, ровно в шестнадцать, – полдник; до девятнадцати – ужин, за которым следует воспитательный час; с двадцати и до двадцати одного часа – свободное время; потом одновременно проходят и подготовка ко сну, и туалетные процедуры; в двадцать два – конечный отбой. Всё ли тебе, детка, понятно?

– Да, Маргарита Петровна, мне всё абсолютно ясно, – заверила новенькая воспитанница, не моргая и глазом.

– Хорошо, тогда следуй устраивайся... займёшь пока койку на верхнем ярусе.

Подхватив немногочисленные пожитки, свёрнутые в тряпочный узелочек, Екатерина отправилась в детскую комнату, где единственным рядом располагались десять двухъярусных железных кроватей. Нижние все занимались, то есть, свободными оставалась лишь парочка верхних, расположенных у самого входа. Предусмотрительная девочка решила занять вторую, что находилась подальше.

Время случилось только-только послеобеденное, а значит, все другие воспитанники, в силу привычного распорядка, занимались полагавшимися основными занятиями. Катя сложила необъемные вещи в личную тумбочку и осталась дожидаться коренных обитателей. Когда все принудительные мероприятия последовательно закончились, девчачье помещение наполнилось весёлым щебетанием да возбуждёнными криками. Другие обитательницы, такие же подневольные, как и несчастная Катя, представляли собой различные возраста; они находились в промежутке от шести и до шестнадцати лет. К новенькой, впрочем, как и везде, отнеслись настороженно – никто не хотел принимать её в давно сложившуюся устойчивую компанию.

Первоначальное, сугубо негативное, обращение малышку всецело устраивало, потому как, хотя и являясь довольно общительной, в новом кругу она чувствовала некое отчуждение, пока ещё непонятное.

Так прошёл первый день пребывания в государственном детском доме. После сытного ужина, закончив вечерние процедуры, детдомовские воспитанники уложились в пружинные, армейского образца, кровати. Когда все остальные затихли и вроде бы, заснувшие, засопели, Екатерина сомкнула уставшие глазки и совсем уж засобиралась отправиться в царство сладостных сновидений... Как вдруг! Она почувствовала, как некая непреодолимая сила увлекает её в узкий прикроватный проход и как она же не забывает прихватить и тёплое одеяло. Оказавшись на голом, холодном полу, недоумённая девчонка тут же почувствовала, что её плотнее обернули собственным покрывалом. Непроизвольно попыталась кричать. Почти одновременно испытала на хрупком теле жуткую боль, а неокрепшее тельце поочередно стало принимать бесчисленные удары, наполненные озлобленным гневом, совсем не девчачьей яростью. Пинали нещадно! Все обитатели детской комнаты (ровно восемнадцать воспитанниц) стремились внести свирепую лепту. Успокоились не раньше, чем Катя перестала подавать хоть какие-то звуки и когда сделалось больше чем очевидно, что она лишилась сознания.

Так её и оставили лежать одну на деревянном полу. Никто не соизволил поучаствовать в горемычной участи, до крайности несправедливой судьбе; напротив, отъявленные мучительницы «с чувством исполненного долга» разошлись по личным кроватям и преспокойненько легли отдыхать – предались «успокобленным» сновидениям. Ветрова лежала без чувств около трёх часов, а после, придя в себя, кое-как забралась на верхнее место. Ужасно хотелось уснуть и хоть на время уйти от страшной реальности, но целительный сон к ней так и не шёл. Мучаясь от телесной боли и неотступной бессонницы, она провалялась вплоть до утра, так и не смыкая заплаканных от обиды девчоночьих глаз.

Наутро все встали как будто ни в чём не бывало. Ужасно хотелось рассказать о неправильном беззаконии да пожаловаться ответственным воспитателям; но интуитивно Екатерина решила «ни в коем разе не ябедничать». Предполагалось, что с ней осуществили общепринятую детдомовскую проверку. Зная о жёстком обычае «принимать в ряды новеньких, проводя им суровое испытание», практичная директриса вызвала Ветрову на доверительную беседу.

– Как ты себя чувствуешь, деточка? – поинтересовалась Злыднева, не изменяя давней привычке; она продолжала сохранять хмурое, непререкаемо властное, выражение. – Не болит ли чего у тебя? Может, хочешь на что-то или кого-то пожаловаться?

– Чувствую я себя, Маргарита Петровна, просто прекрасно, – не по-детски серьёзно отвечала сметливая девочка. – Да и сетовать мне теперь особенно не на что: я нахожусь в добром семейном кругу. Кстати, со своими бедами я как-нибудь справлюсь сама – и даже не сомневайтесь!

– Раз так, – заканчивая обыденный диалог, промолвила руководитель детского учреждения и пожала плечами, – иди занимайся.

Катя отправилась на обязательный учебный процесс. Вечером, когда по детдомовскому расписанию существовало свободное время, она нашла на улице обыкновенную деревянную

палку, прямую и прочную. С одного края заточила под острый конец. Изготовив простое оружие, в чём-то незаурядное, но в умелых руках достаточно эффективное, осталась дожидаться позднего вечера. В кровать она ложилась, целиком готовая к отражению любого, пускай и неожиданного, нападения.

Ещё одну ночь Ветрова провела в затаённой тревоге, без сна, и ожидая подлой девчачьей агрессии; правда, сейчас она намеревалась дать им, подлым негодницам, достойный отпор. К её удивлению, всё прошло и спокойно, и тихо, и полностью бесконфликтно: её, отлично выдержавшую первое испытание, более не тревожили. На следующие сутки молодой организм, сломленный непомерной усталостью, не выдержал пережитого за последние дни недетского напряжения, и Екатерина забылась долгожданным, хотя и тревожным сном, наполненным навязчивыми кошмарами. Ежечасно, вздрагивая всем крохотным телом, она просыпалась, обливалась холодным потом, теребилась непродолжительной дрожью, а через доли секунды проваливалась обратно.

Утром Катюша встала слегка отдохнувшая. После общепринятой короткой зарядки направилась в умывальную комнату. Там находились две девочки, достигшие девяти и двенадцати лет. Одна, что выглядела постарше, обратилась к Ветровой, как не покажется, с нормальным, совершенно обыкновённым, вопросом:

– Эй, новенькая, тебя как, «вааще», зовут?

– Катя, – равнодушно ответила та.

– Слушай, а у тебя какая зубная паста? – вставила другая, что являлась помладше.

– «Жемчуг». А что? – осведомилась Екатерина.

– Отдай её нам.

– С какой, интересно, радости?

– Всё очень просто, – продолжила старшая, – мы тебе «ща» все зубы повыбьем, и она тебе, поверь, уж более не потребуетя...

– Аха-ха-ха! – засмеялись обе, как им представилось, удавшейся шутке.

Хорошенечко просмеявшись и придав себе наигранно гневный вид, озорные девочки принялись медленно наступать; они явно не намеревались сидеть сложа руки. Ветрова встала в защитную стойку, а стиснув покрепче зубы, наполнилась непревзойдённой решимостью. Словно приготовившаяся к броску ядовитая змейка, злорадно так прошипела:

– Только попробуйте...

Хотя Катюша и казалась сравнительно маленькой, но она вдруг стала похожа на разъярённого, зажатого в угол, зверька, встреча с коим не сулила ни доброго, ни хорошего. Видя её решительный вид, наступавшие неприятельницы на мгновение остановились... однако быстро сообразили, что, взявшись за дело и не доведя его до логического конца, окончательно потеряют прежний, с трудом добытый, авторитет – они продолжили лобовое сближение. Как только оказались друг против друга, на расстоянии не более метра, рослая воспитанница приготовилась нанести кулачный удар и повыше замахнулась правой рукой. Екатерина удерживала под беленькой майкой заранее изготовленную остроконечную палку. Она резко выхватила её наружу, а легонько присев, воткнула деревянное остриё в верхнюю бедренную часть не в меру нахальной соперницы. Получалось, орудие собственной самозащиты Катя всегда носила с собой, прижимая резинкой трусов к хрупкому, совсем ещё юному, тельцу.

Укол оказался настолько сильным, что заточенный кончик вошёл под кожный покров едва не наполовину. Взыв от пронзительной боли, пострадавшая проказница понижее присела, а следом и вовсе опустила на «пятую точку». Ветрова снова отобразилась защитной позой и стойко выжидала второго противодействия – нападения другой неприятельницы. Видимо не такая смелая (да ещё и воочию наблюдая, как, охваченная жуткими муками, извивается более настойчивая подруга), та к конфликтному столкновению не очень-то и спешила.

– Ну что, есть ещё настырные охотники до моей зубной пасты? – храбрая сиротка интересовалась твёрдо, но вовсе не грубо. – Или ещё кому-нибудь объяснить, что лучше меня не трогать?

– Нет, нет, – заключила которая считалась помладше, – мы всё прекрасно поняли и обещаем оставить тебя в покое.

– То-то же!.. То-то же! – промолвила Ветрова и спокойным, а главное уверенным, шагом отправилась к моечной раковине; она неторопливо закончила и утренний туалет, и водные процедуры.

После знаковых событий, естественных испытаний, представительницы детского дома приняли Катю в большую семью, посчитав ее достойной быть частью их дружного коллектива. Конечно, с течением времени между отдельными воспитанницами возникали всякие локальные стычки, но теперь они представлялись чем-то обыденным, не унижительным, совсем не обидным. Помимо прочего, к периодическим побоям в тех злачных заведениях со временем привыкают: конфликтные ситуации там возникают на постоянной основе, и если не происходит случайных потасовок с равными по силе и возрасту, то обязательно достанется от развитых воспитателей.

Глава VII. Зловещий кочегар

Вот так, находясь и в постоянной борьбе за захудалое выживание, и в нескончаемых унижениях, Катенька прожила в государственном детском учреждении четыре года; ей исполнилось одиннадцать лет. Развиваясь, росшее тело обретало привлекательные внешние очертания, и старшие детдомовские мальчики всю засматривались на бесподобную, просто прекрасную, девочку. Возможно, из-за повышенного внимания большую часть времени Ветрова и проводила именно с ними? Хотя и среди девчачьей команды она давно уже пользовалась вполне заслуженным стойким авторитетом и считалась лихой да дерзкой «пацанкой», никому не дававшей спуска, способной постоять как за себя саму, так и за менее сильных. Среди несовершеннолетних обитателей детского дома сложилось определённое мнение, что жить с ней лучше мирно, а выяснять отношения – это того не стоит. Похожее суждение укоренилось даже у старших, более рослых, воспитанников. Но не только непреклонным характером выделялась Екатерина! Она показала отличные мыслительные способности, неплохо училась и с лёгкостью осваивала наиболее трудные образовательные предметы, как, впрочем, всю школьную программу – в общем и целом. Получалось, кроме выстраданного умения защищаться, от щедрой природы она получила бесценный дар, выраженный острым умом, мгновенной сообразительностью, необычайно красивой внешностью.

Но!.. Не одни только мальчики заглядывались на привлекательное творение, когда-либо созданное благословенной Вселенной. Однажды она гуляла с двумя приятелями: Петей – мальчиком чуть старше двенадцати лет, обладавшим щуплым телосложением и белобрысыми кучерявыми прядями; Стёпой – пятнадцатилетним юнцом, начинавшим приобретать мужские и сильные формы, выделявшимся чёрными, как смоль, волосами, идентичными им глазами, в чём-то похожими на цыганские. Увлёкшись нехитрой игрой, они вышли к мрачному зданию кирпичной котельной, находившейся в дальнем конце детдомовской территории.

Строение являлось кубическим и имело длину каждой грани, равную десять метров; оно выступало за металлическую ограду и граничило с ней лишь боковой стороной, где монтировалось специальное зарешеченное окошко; входная дверь и каменный уголь находились снаружи, чтобы никто из маленьких обитателей не смог бы приблизиться. Говоря об отопительном работнике, он точно так же не имел на огороженный земельный участок свободного доступа.

Неожиданно, придав себе заговорщицкий вид, Стёпа шипя зашептал:

– Ребят, а знаете ли вы, что в этом доме живёт настоящий чёрт, и страшный и чёрный, как его грязный, вонючий уголь.

– Нет, – задрожав в суеверном испуге, ответила Катя, – а что он там делает?

– Он заманивает туда маленьких мальчиков с девочками, – продолжал злорадный рассказчик вкрадчивым голосом, – потом мучает, жарит их в огненной печке, а затем – когда покроются хрустящей корочкой – жадно съедает.

– Не может быть! – запротестовал напуганный Петя, истерически вздрагивая. – Как же он это делает, если в стене каморки нет даже крохотной дверцы?

– Всё очень просто, – приближаясь к зловещему полушепоту, пересказал Степан страшную повесть, слышанную им, пока он слыл доверчивым маломерком (она унаследовалась от старших воспитанников), – тёмной-претёмной ночью, когда все ложатся спать, он вырывает глубокую яму, через которую пролезает в детдомовский сад. Затем подходит к жилому зданию, через нижнее окошко залезает вовнутрь и садится в туалете спокойненько ожидать, пока туда не придёт наивный ребёнок. Чёрный чертище резко его хватает и немедленно убегает, утаскивая с собою в жуткую кочегарку. Сразу кидает в горящую печь, неторопливо обжаривает, а после жадно сжирает, начиная с запечённых ручек и ножек, пока не доходит до вкусненькой

головы. Особое удовольствие ему доставляют детишкины глазки, а под конец съедает и тёплое сердце.

Мелкие девочка с мальчиком слушали словно заворожённые, не в силах проронить ни кроткого слова: так рассказанная история походила на страшную правду. Вдруг, как будто в реальное подтверждение, в закопчённом окне появилось лицо настолько чудовищное, насколько Екатерина не удержалась, а пронзительно закричав, побежала к основному строению, в минуту суровой опасности показавшемуся ей даже спасительным. Недвусмысленному примеру последовали и остальные спутники, как старший, так же и младший.

Но кто их перепугал? Похоже, зловещая сказка не отдалялась от жизненной истины, а прочерневшая рожа, показавшееся в оконном проёме, принадлежала тому пресловутому кочегару. Он ещё долго смотрел, как от неказистой, зачуханной изнутри и снаружи, постройки удаляются неразумные деточки; он наблюдал за ними большими глазами, полными неутолимого мужского желания. На странном человеке стоит остановиться особо...

Он виделся не то что б непривлекательной личностью, нет, тот представитель сильного пола имел, ну! просто отталкивающую наружность – настолько был уродлив и страшен. Жутковатый облик выделялся в первую очередь кривобоким лицом, скривлённым на левую сторону; оно казалось таким безобразным, что у всякого, кто видел его впервые, вызывало чувство неодолимого страха. Как же оно представлялось? Во-первых, над правым глазом располагался рогообразный нарост; во-вторых, левая часть лба отображалась намного шире; в-третьих, заскорузлая кожа покрывалась шрамами от перенесённой раньше ветряной оспы; в-четвёртых, огромный нос походил на вороний клюв; в-пятых, скривлённые губы дополняли невыносимой безобразности. Ходил отопительный рабочий немного согнувшись – его гнул к земле чудовищный горб, перекосивший и без того невзрачное тело; он создавал неоспоримое ощущение, что одна часть существенно выше другой. Звали его Мухротов Гаврила Свиридович; он обладал невыносимой физической силой, а мускулистые, крепкие руки никак не гармонировали с приведёнными описаниями. Заканчивался невзрачный облик короткими кривыми ногами, делаая его гориллообразным, скорее всё же уродливым. Достигнутый возраст составлял чуть более тридцати пяти лет.

Итак, несуразный мужчина выглянул в окошко замызанной кочегарки и поразился от образа чудесной малышки, представшей пред похотливым, плотоядно звериным, взором. Ошарашенный, кочегар долгое время не мог найти спокойного места и взад-вперёд-обратно ходил по вверенным помещениям – обдумывал некий чудовищный замысел...

Ничего не подозревая, озорные проказники вернулись к детскому дому. Юркнули в игровую комнату, где, кое-как отдышавшись, принялись обсуждать то жуткое наваждение, что представилось их возбуждёнными взорами всего лишь пару минут назад.

– Вы его видели? – спросил старший мальчик.

– Да, – ответила перепуганная сиротка, – ну и страшила.

– Вот теперь он всяко нас всех запомнил, – продолжал Степан нагонять побольше невероятного ужаса, – и обязательно выловит – и непременно сожрёт!

– Не может такого быть? – стуча от страха зубами, промолвил вусмерть перепуганный Петя. – Как он попадёт в приютское помещение?

– Я, кажется, уже рассказывал?.. Подстережёт тебя ночью в мальчишечьем туалете, а следом утащит, потом изжарит – и, точно, сожрёт!

– Я теперь ни за что на свете ночью из спальни комнаты никуда не выйду, – сделал младший подросток корректное заключение.

– Да ладно вам!.. – заметила рассудительная Катюша. – В ночное время в ДД никого не пускают, так что никто туда не залезет! Если честно, я его и днём-то ни разу не видела, а значит, ему сюда – вообще! – нельзя заходить.

– Ага, как же... будет он спрашивать хоть чьё-нибудь разрешение, – угрожающе настаивал Стёпа, – придёт сегодняшней ночью, пока все будут спокойно дрыхнуть, а зайдёт так тихо, что его никто и не остановит.

– Да?.. А дежурная воспитательница? – робко вставил двенадцатилетний ребёнок.

– Ха, они что, разве не спящие люди? – презрительно ухмыльнулся второй подросток. – Они, беспробудные сони, спят даже крепче, чем ты или Катька.

– Не слушай его, – твёрдо заверила рациональная девочка, – никто посторонний сюда не придёт – поверь, это неоспоримо! Попробуйте назвать мне хотя бы единственный случай, и укажите, если я окажусь сейчас неправа.

На категоричное утверждение возразить оказалось нечем, и бойкие дети, имея бесценный талант «подолгу ни на чём не зацикливаться», постепенно забыли обо всём, недавно произошедшем.

После того события ми́нуло больше месяца. Примерно в середине июля, когда стояла жаркая, по-летнему удивительная, погода, детдомовских деток построили организованной группой; их повели искупаться в естественном водоёме, расположенном не далее чем в полутора километрах. Местность вокруг была сплошь кустарниковая, переходившая постепенно в лесистую. Для захода в купальный периметр имелось достаточное пространство, предполагавшее что-то около двенадцати метров; само маломерное озерко едва ли доходило, в наибольшем диаметре, до четверти километра.

Оказавшись в тёплой, солнцем нагретой, воде, радостные воспитанники принялись наслаждаться приятной прохладой; не забывали они незатейливо играть да простодушно резвиться. Весёлые праздники устраивались нечасто, поэтому каждый стремился получить от недолгой забавы как можно большее удовольствие. Как и все остальные, Катя не пожелала пропускать блаженное состояние и безмятежно плескалась в чудесном озёрном источнике.

По окончании освежительной процедуры, шумные дети побежали в ближние кустистые насаждения, чтобы отжать в них купальные принадлежности. Распределись следующим образом, как и всегда: шаловливые мальчики отправились влево; стеснительные девочки, соответственно, вправо. Возможно, покажется странным, но Ветрова (поскольку больше общалась с мальчишечьей половиной) незаметно для остальных подружек и, разумеется, детдомовских воспитательниц устремилась за бойкими пацанами. Оказавшись вне зоны видимости, ребячья ватага, вся вместе, остановилась. Екатерине пришлось углубиться немного дальше, пока разнополые друзья окончательно не скрылись из виду. Сняв детский купальник, она интенсивно принялась его выжимать. Вдруг! Прозорливая девочка внезапно почувствовала, как кожа спина неестественно сжалась, как худенькое тельце сковалось болезненным мышечным спазмом и как вдоль всего позвоночника забегал настойчивый предательский холодок. Хотя сиротка и не являлась излишне пугливой, но сейчас её трепетное сердечко сжалось от незнакомого, до жути пугавшего, ужаса, и на мгновение как будто остановилось.

Не понимая, что именно явилось исходной причиной, Катя, не видя впереди ничего, что предвещает действительную опасность, предположила её наличие сзади, попыталась по-быстрому обернуться – и... тут она обмерла: прямо перед ней стоял страшный кочегар Мухротов Гаврила Свиридович. Не давая опомниться, он легко подхватил одиннадцатилетнюю кроху под мышку, зажал ей охрипший роток и потащил, углубляясь в густые кустарники, переходящие в жутковатую чащобу бескрайнего леса.

Удалившись на приличное расстояние, он небрежно бросил потенциальную жертву на голую землю. Какое-то время угрюмо стоял, словно наслаждаясь девчачьими душевными муками. Хотя на самом деле он упивался малолетним, целиком не сформированным, тельцем, чтоб охватиться неестественной нормальному человеку разнузданной похотью и чтоб достигнуть пик извращённого возбуждения. Постепенно маниакальный выродок входил в безумный экстаз, неестественный, ни с чем не сопоставимый, ничем не оправданный. В звероподобном

обличии он выглядел настолько ужасным, насколько отвратительный вид напрочь парализовал Екатеринину волю. Тем более что она не окрепла ещё как душевно, так и физически. Всё же, поступая на подсознательном уровне, она попыталась ползти – двигалась неторопливо, как будто в замедленной съёмке, отдаляясь немного в сторонку. Но! Непроизвольное устремление только сильнее подогрело то необузданное желание, что стойко засело в чудовищном лице невиданного страшили. Осатаневший изверг, он наслаждался беспомощным состоянием и лицезрел на слабую девочку, представшую обалделому взору «в виде дрожащей от страха несчастной страдальицы». Порочный злодей медленно, но неотъемлемо наступал. Постепенно, созерцая безвольное состояние, в какое удалось повергнуть прелестную кроху, неугомонный ирод возбуждался значительно больше, что, кроме довольного вида, выражалось широко раскрытыми зенками, – обезумевший взгляд застыл и словно остекленел.

Катя, глядя на жуткого изувера, отчётливо понимала, что просить у человека-монстра милосердной пощады окажется бесполезно. Однако! Надежда умирает всегда последней, поэтому она решилась на подсознательную попытку и, едва удерживаясь от слёзных рыданий, с дрожью залепетала:

– Пожалуйста, пощадите меня... не трогайте... я ничего Вам плохого не сделала.

Напротив, незатейливые, казалось, слова явились как команда к началу ужасного действия. Окончательно озверев, половой истязатель набросился на обреченную девочку. Схватил за тонкую шею, потуже сдавил дыхательный путь и собрался вообще парализовать девчоночью волю. Обдавая вонючим, омерзительно противным, дыханием, в котором смешались запахи алкогольные, чесночные, дымные, гадкие, грязный подонок приступил к кошмарному делу.

Как же ей было страшно, мучительно больно! Однако за весь период жестокого истязания Катя не проронила ни малюго звука, и одни только крупные слёзы, похожие на большие бриллианты, струились по бледным, и гладким, и исхудалым щекам. Девчушка оказалась неглупой и, задыхаясь от зловонного запаха, исходившего из омерзительной рожи, гориллоподобной и страшной, отчётливо представляла, что жуткие мучения, единственно мучительным ужасом, по-видимому, не кончатся; в не по-детски развитых мыслях она попросилась с жизнью, а через некоторое время и вовсе лишилась сознания...

В то же время другие мальчишки, обеспокоенные необъяснимо долгим отсутствием, несколько раз её покричали, а не получив успокоительного ответа, побежали назад и рассказали ответственным воспитателям «о нештучном исчезновении малолетней воспитанницы». Буквально сразу организовались быстрые поиски, и взрослые бросились прочесывать кустистые насаждения. Хорошо ещё, определить местоположение измученной девочки оказалось совсем нетрудно: Мухротов, отъявленный выродок, передвигаясь по высокой траве, оставил отчётливый след, подводивший напрямую к жестокому, ни с чем не сравнимому, телесному истязанию.

Успели вовремя! Насладившись бесчеловечным мытарством, безжалостный мучитель искал подсобный предмет, с помощью коего возможно беспрепятственно, а главное (ужасно сказать!) сразу, добить страдающую малышку, подвергнутую немислимым издевательствам; она давно уже ничего не чувствовала. За невообразимым занятием его и застала – лично директор детского дома. Она моментально всё поняла и властным голосом прокричала:

– Не смей! И убирайся-ка отсюда быстрее, а завтра явишься ко мне на душешипательную беседу! Ну?! Быстро!

Увидев разгневанную начальницу, недавний изверг обмяк, как побитый пёс, покорно склонился и скореньким шагом засеменял короткими ножками прочь; он всё более удалялся от места ужасного преступления, не выразимого никакими людскими словами. Бессознательную девочку, на руках, перенесли в учрежденческие покои, где постепенно привели её в чувство.

Нетрудно догадаться, что чудовищное событие, крайне жестокое истязание, вызвало б значительный общественный резонанс; в результате (так требовало веление времени) Злыд-

нева Маргарита Петровна не посчитала необходимым афишировать столь тяжкое происшествие, для себя, несомненно, губительное. Подчинённым сотрудникам строго-настрого приказала «поменьше трепаться», как она, презренная, заявила: «Чтобы не уронить честь детского учреждения». Касаясь тирана, страшного кочегара, единственное, что безответственная директриса с бездушным мерзавцем сделала, – провела с ним задушевную, превентивную и профилактическую, беседу. Несмотря на безрассудный поступок, она всё равно оставила презренного подлеца на грязной работе: на низкий оклад никто из нормальных людей особо не шёл и качественную замену найти было попросту невозможно.

Глава VIII. Ночные прогулки

Прошло ещё долгих пять лет. Екатерина расцвела, превратившись в шестнадцатилетнюю девушку, очаровательную, прелестную, восхитительную. Воспитанная на постоянной борьбе, она сделалась твёрдой, наглой, бесстрашной и беспощадной. В недобрую память навсегда врезался случай с отвратительным кочегаром, а главное – безнравственное поведение бесстыжей руководительницы, оставившей насильника безнаказанным. Всей душой она возненавидела презренную директрису и нисколько не скрывала ненавистного чувства, отчасти непреодолимого, а частью, возможно, и страшного.

– Придёт прекрасное время, и Вы за «покрывательство» недоноска-ублюдка ответите, – сказала она однажды, когда ей исполнилось всего лишь четырнадцать лет.

– Поживём увидим, – стало уклончивым ответом, последовавшим от Маргариты Петровны.

С тех пор она всячески притесняла неукротимую бестию, не упуская удобного случая, чтобы если и не ударить, то обязательно «дрянную» девчонку, унижить да, дерзкую, оскорбить. Как утверждала, в назидание остальным, на долгую память потомкам. Дивное дело, применяемые методы только сильнее укрепляли стойкий, уверенно непреклонный, характер и воспитывали нестигаемую, едва не стальную волю, делая детдомовскую сиротку злой, непомерно жестокой. Приобретённые качества Ветрова научилась умело скрывать и никогда не выдавала всеобщему обозрению душившие изнутри живые эмоции; она становилась абсолютно непроницаемой, неподвластной стороннему пониманию. Теперь Екатерина могла, даже испытывая сильную, просто невероятную, душевную боль, мило всем улыбаться и продолжать спокойно общаться – как будто ни в чём не бывало.

Мухротов, наблюдая за Катькой из единственного окошка мрачной, дёб черна загаженной, кочегарки (когда та изредка играла неподалёку), не оставлял зловещие мысли и собирался довершить бесчеловечное истязательство, жуткое и беспощадное, ставшее смыслом опустошённой, никчёмной и никудышной, жизни. Но не только свирепое убийство он намеревался воплотить в безжалостной мести! В той же мере поганого уroda, как морального, так и физического, терзали развратные грёзы; он вынашивал умопомрачительную идею, как сможет осуществить чудовищный замысел, в чём-то коварный, а где-то ужасный.

Итак, время шло. Повзрослев, Екатерина сделалась самой старшей среди сиротских девчонок. Как следствие постепенного созревания, у юной красавицы появились интересы диаметрально другие, никак не сочетавшиеся с давними, ещё девчачьими, помыслами. Бесподобная симпатяжка уверенно заглядывалась на взрослых парней, вынашивая далеко не чисто пацанскую дружбу. У неё появились новые секреты, любовные тайны, которыми непременно нужно хоть с кем-то делиться. Вольно или невольно, пришлось сдружилась с двумя похожими сверстницами, достигшими пятнадцати и, соответственно, шестнадцати лет.

Первая, помладше, по имени Даша, выделялась пышными формами, развивалась не по годам, но являлась не очень красивой: во-первых, рыжие густые волосы отбросили неприглядную тень на белое личико, усыпав его многочисленными веснушками и сделав не очень приятным; во-вторых, заострённый нос выглядел излишне большим, загнутым книзу своеобразным крючком; в-третьих, зелёные глаза казались безмерными, точь-в-точь как зловредной ведьмы, и всегда светились плутовским озорством, непревзойдённым лукавством; в-четвёртых, бесформенное тело не обладало превосходными формами, а единственное, что было нём особенно привлекательно, – это стройные, ни с чем не сравнимые, ноги. К неброской одежде она относилась совсем неразборчиво и, уподобляясь Катюхе Ветровой, одевалась во что не придётся. Если последнюю (с её-то превосходными внешними данными!) невзрачные одеяния нисколько не портили, рыжеволосая подруга выглядела нелепо, словно разряженная капуста.

Вторая, Анастасия, являлась ей полной противоположностью. Передавая прекрасные формы, можно остановиться на следующих параметрах: она была худощавой, стройной, эффектно сложенной и выделялась нормальным, согласно возрасту, ростом; лицо выглядело настолько красивым, что сравнивалось либо со сказочной феей, либо с загадочной нимфой, либо морской сиреной (последнее подтверждалось миленьким, едва ли не ангельским голоском); большие голубые глаза гармонировали с белокурыми волнистыми локонами; маленький, аккуратненький, словно точёный, нос изящно сочетался с чувственными губами, переходившими в миленький подбородок. В отличие от двух остальных подружек, к верхней одежде сногшибательная красotka относилась с исключительной скрупулёзностью и выбирала себе лишь самые лучшие вещи. С её чисто женским капризом, принимая во внимание наличие у других непредвзятого отношения, особых затруднений она не испытывала.

Говоря о Екатерине, в ней к наступившему возрасту всё настолько могло показаться воистину совершенным, что с трудом удалось бы найти хоть какой-нибудь маломальский изъян. Сейчас она выглядела изумительно, ни с кем не сравнимо. Вот её подробное описание: первое – на продолговатом, худощавом лице выделялись бездонные очи, наполовину тёмно-голубые, а частью зеленоватые, внешне невинные, но скрывающие и непреклонную волю, и холодную рассудительность, и (когда необходимо) яростную жестокость; второе – подвижный коралловый рот, лисий, чуть вздёрнутый, нос, смуглые щёки да вечно лукавое выражение передавали огромный ум, непомерную хитрость, отчаянную решимость; третье – густые каштановые волосы захватывались сзади обычным «хвостом», смотрелись эффектно и подчёркивали природную миловидность; четвёртое – невысокий рост прекрасно соотносился со стройной фигурой, выточенной как будто из мрамора; пятое – совсем недетские формы придавали волшебной загадочности; шестое – великолепные ножки, видимо, создавались каким-то умелым, чрезвычайно талантливым, скульптором.

Возвращаясь к их девичьей дружбе, становится очевидно, что у них существует ещё и другая жизнь, вторая и тайная. Три девушки-озорницы умудрились подделать ключи от главных ворот; они сделали каждой по одному экземпляру и под огромным секретом, исключительно по ночам, стали покидать расположение детского дома да бегать в поселковый клуб на молодёжную дискотеку. До поры до времени всё было нормально и их невинные, казалось бы, шалости проходили «без сучка без задоринки», пока в один злосчастный момент они, возвращаясь обратно, внезапно не столкнулись с тем самым отвратительным кочегаром, уродливым и опасным. Мгновенно вспомнив пережитое, связанное с его чудовищной личностью, Ветрова испуганно вскрикнула, на секунду опешила, но быстро взяла себя в руки и гордо посмотрела на ужасного человека, давно уж переведенного ею в разряд заклятых, непримиримых, кровных врагов. Тот сделал вид, что никого не узнал и преспокойно проследовал мимо. Создавалось некое впечатление, что он забыл про мнимый объект похотливого вожеления, но, нет! Мысленно маниакальный выродок злобно заулыбался: он достоверно знал, что именно ему проделывать в последующем, в самом ближайшем будущем.

По прошествии двух недель, миновавших после того противного случая, сдружившиеся подруги тайно засобирались на поселковые танцы.

– Кто желает сегодня пойти потусить? – спросила Екатерина у двух других девушек, едва лишь наступила очередная суббота.

– Естественно, я, – ответила Настя.

– И, конечно же, я, – поддержала обеих приятельниц Даша.

– Тогда, как только стемнеет, по-тихому собираемся, а следом выходим, как и обычно, вылезая через окошко, расположенное в мальчишечьем туалете, – наставительно промолвила Катя. – Да и!.. Смотрите, не перебудите, как в прошлый раз, младшеньких, а то – ишь! – они тогда «раскудахтались».

Нетрудно догадаться, в девчачьей троице главной считалась именно Ветрова; она пользовалась у остальных подружек серьёзным авторитетом, непререкаемой властью, как, впрочем, и у всей половины воспитанниц детского дома.

– Ты чего собираешься сегодня надеть? – поинтересовалась Анастасия, после того как «основная» подруга закончила инструктировать.

– Наверное, как и всегда, синие джинсы да серую куртку, – небрежно бросила девчоночья атаманша.

Имея бесподобные и лицо и тело, любая одежда к ней подходила безукоризненно, и даже если б Екатерина оделась какой-нибудь непритязательной замарашкой, то продолжала бы выглядеть привлекательной, и приятной, и притягательной.

– Ну, а ты? – обратилась взыскательная блондинка ко второй, менее красивой подруге.

– Я?.. – переспросила Дарья, виновато потупившись, как будто чего-то стесняясь. – Скорее всего, короткую чёрную юбку и красную куртку.

– Отлично! Тогда я надену короткое синее платье, а поверху нашу общую кожанку – никто со справедливой делёжкой не возражает?

– Нет! – хором ответили другие приятельницы и весело засмеялись.

– Итак, с самым насущным вопросом вроде бы всё: с вечерней одёжкой решили, – сделала Ветрова корректное заключение, едва лишь, как все остальные, хорошенечко просмеялась, – теперь дожидаемся позднего времени, а дальше... тс, как и всегда, никому не говорите ни слова.

Договорившись, юные заговорщицы отправились ужинать.

На дворе стоял поздний октябрь, темнело, соответственно, рано, а значит, и первую часть договора выполнить особого труда не составило. В десять часов вечера, исполняя внутренний распорядок, как будто бы завалились спать. Подождав чуть менее часа, пока заснут другие воспитанницы, а с ними дежуривший воспитатель, трое отчаянных девушек неторопливо засобирались; понятно, они старались как можно меньше шуметь. Потихоньку одевшись, поочередно покинули девчачье расположение. Последовали друг за другом на цыпочках, удерживая уличную обувь в руках. Направились в мальчишечий туалет, расположенный на первом этаже, а окнами выходящий на затемнённую территорию.

Оказавшись внутри и не забывая игриво хихикать, они, осторожничая, ещё какое-то время внимательно вслушивались. Едва убедились, что вокруг сравнительно тихо, три дерзкие проказницы след-вслед повывлезали в полуметровую квадратную форточку. Чтобы исключить подобные факты, администрация заведения распорядилась забить секретный лаз внушительными гвоздями. Ха-ха, наивные! Пронырливые авантюристки оказались намного хитрее: они аккуратно отжали прибитую створку, заострённые кончики предприимчиво опилили, а оставили одни лишь наружные шляпки. Подготовительные мероприятия провели настолько отменно (ни разу не придерёшься!), что продолжало сохраняться стойкое впечатление, как будто всё остаётся в неизменном, изначально приданном, виде.

Несанкционированное бегство прошло как по спланированному сценарию. Очутившись на приусадебной территории, сметливые девушки обулись в заранее прихваченные кроссовки и точно так же, стараясь поменьше шуметь и укрываясь в мрачной тени, отбрасываемой внушительным зданием, стали медленно пробираться к закрытым воротам. Весь путь проворные бесстыи проделали быстро, а закончили его короткой, но стремительной перебежкой. Как издавна завелось и вошло у юрких самовольщиц в привычку, массивный замок отомкнули ключом, закрепленным за рыженькой Дашей. Легонько скрипнув огромной «воротиной», свободные, все трое высыпали наружу, на вольную улицу. Облегчённо вздохнули и, весело щебеча, отправились напрямую к поселковому клубу.

– Ну как, развлечёмся сегодня? – озорно улыбаясь, задалась сакраментальным вопросом не по-детски разодетая Настя.

– Странный, Настасья, у тебя интерес?.. Для чего же тогда мы выбрались? – не совсем корректно ответила Катя. – По-моему, глупо думать, что я бы стала так рисковать, направляясь на скучные посиделки.

– Лично я собираюсь оторваться сегодня по полной программе, – вставила молодая шатенка, – на позапрошлой неделе мне присмотрелся – ТАКОЙ! – симпатичный парень, ну, просто настоящий самец. При одной только мысли о нём моя кровушка сначала вскипает, а затем, ледяная, совсем замирает.

Всем понятно, что детдомовские оторвы давно уже не являлись приличными девственницами и всю наслаждались мужскими ласками, половыми сношениями. На полуночных молодёжных мероприятиях их знакомства с представителями противоположного пола нередко заканчивались настоящей интимной близостью.

– Каждый раз у тебя какие-то новые?! – игриво воскликнула Настя. – Я вот, в отличие от тебя, уже три недели встречаюсь с одним. Эх! Знали бы вы, какой он порой бывает ласковый?..

– Три недели?.. Хм, это, конечно, срок, – иронично заметила Ветрова и тут же добавила: – Чтобы понять, какой он действительно нежный, так ты возьми и дай мне несравненного красавца на ночьку «попробовать».

– Нет, уж дудки! – изобразив наигранное негодование, возразила разнузданная блондинка. – Я сама ещё не насытилась. Как надоест, тогда, пожалуйста... пользуйтесь.

– На том и порешим, – согласилась Екатерина, не забыв язвительно усмехнуться.

Вот так, за плотскими предвкушениями, детдомовские подружки постепенно приблизились к поселковому Дому культуры. Время приблизилось к двенадцати ночи, и до окончания развлекательного мероприятия оставался примерно час. Естественно, терять его впустую было бы глупо, и рьяные девушки, проскользнув в общей суматохе без проходных билетов, предались энергичному, ничуть не скромному, танцу; одновременно ни одна из них не забывала выглядывать привлекательных молодых людей.

Минуты, отведённые на недолгое счастье, нестерпимо текли, и увеселительная тусовка приближалась к логичному завершению. Вдруг! Как по какой-то негласной команде, словно из неоткуда, появились двое местных парней – кавалеры менее красивых подружек. Приблизившись, они пристроились рядом, образовав некий отдельный круг, и стали изображать некое подобие корявого танца. У Екатерины постоянного партнёра пока ещё не было: уже тогда она знала себе высокую цену, являлась чрезвычайно разборчивой и не подпускала к себе никого «ближе расстояния вытянутой руки»; избирательная особа могла пойти лишь с тем, с кем хотела сама. Местная молодежь давно уже изучила жёсткий, порой беспощадный, характер, в связи с чем не слишком смелые парни старались держаться подальше. Хотя, если честно, глядя на неё, у большинства «голодных самцов», не переставая, текли порочные слюнки и отвисала похотливая челюсть.

Ближе к концу дискотеки счастливые подружки, раскрасневшиеся от явного удовольствия, устремились, сопровождаемые бойфрендами, на выход из клубного здания; обе они отправились прочь, в одно им известное место. Катя в тот неудачливый вечер ни на ком не остановила излишне избирательный выбор, да к ней, впрочем, как-то никто и не подходил; все почему-то старались уклоняться от её завидного общества, пускай и предвзятого, но всё же прекрасного. Положение дел показалось ей необычным, едва ли не удивительным; правдоподобное объяснение так и не находилось. Задетая за живое, удручённая красавица недоумённо вздыхала: «С ума они, что ли, здесь все посходили?» Неожиданно! Необъяснимые «непонятки» развеялись сами собой... Когда обескураженная девушка покинула пределы дискотечного здания, к ней подошёл симпатичный парень; среди поселковых юношей он выделялся непосредственным прозвищем – Бедный.

Глава IX. И снова Мухротов

Своеобразный псевдоним выдавал, что молодой человек является родом из малообеспеченной, точнее неблагополучной, семьи. Невзирая на позорное, казалось бы, обстоятельство, среди поселковых сверстников он пользовался непререкаемым хулиганским авторитетом, и мало кто бы отважился противопоставить ему личное мнение. По натуре парень являлся жестоким, самоуверенным, излишне драчливым. Настоящее его имя, Саша, практически никогда не использовалось: все давно уж привыкли обращаться исключительно по прилипшему погонялу. Имея привлекательную внешность, Александр выделялся сильным, атлетически развитым, телосложением; оно сформировалось в результате регулярного посещения тренажерного зала, кстати им же самим и устроенного. Безупречная наружность, отчасти суровая, а частью повзрослому мужественная, выражалась следующими основными характеристиками: по-девичьи красивым лицом, передавшим самодовольного человека, и сильного духом, и способного подчинять себе более слабых; наглыми глазами чёрного цвета, отличавшимися пронзительным взглядом и заставлявшими трепетать не только себе подобных сверстников, но и старших, и рослых приятелей; густыми тёмными волосами, коротко остриженными и сзади и по бокам, на лоб же спадавшими изумительной чёлкой; внушительным ростом, казавшимся выше Екатерины едва ли не на целую голову; лёгкой, по-спортивному непринуждённой, походкой, выдававшей бесстрашный характер. Одеваться нахальный заводила любил изыскано, броско, и имел к притязательным запросам любые, в том числе финансовые, возможности. Сплотив возле себя отчаянных отморожков, он обложил молодое население посёлка непререкаемой данью, которую в те суровые времена предпочитали «уж лучше отдать!», нежели становиться отверженным, никому не нужным, изгоем.

И вот такой крутой парень, среди остальной молодёжи существенно значимый, встретил Екатерину сразу по окончании дискотечного времени и предложил ей «чуть-чуть прогуляться».

– Девушка, можно ли Вас проводить? – пытаюсь быть вежливым, запросто подошёл Александр к несравненной красавице.

Ветровой (как бы она не старалась скрывать) оказанное внимание польстило, ну! просто невероятно. Даже не набивая «приличную» цену, она немедленно согласилась, небрежно, если не пренебрежительно бросив:

– Да, конечно... почему бы и нет?

– Чем бы ты хотела заняться? – перейдя на неформальное обращение, поинтересовался беззастенчивый кавалер, не отличавшийся особенной тягой к галантному поведению; впрочем, так же как и самовлюблённая Катька.

– Странный, однако, у Вас, молодой человек, вопрос, – попыталась молодая красотка разыграть скабрёзное удивление, отразившееся безобидной иронией, – чем, по-твоему, могут заниматься охочие парень с девушкой, да ещё и тёмненькой ночью, такой короткой, что мне вот-вот понадобится обратно? – она изобразила ехидное выражение и, озарившись неприветливой миной, придала мелодичному голосу заговорщицких интонаций: – Ну чё, так и будем стоять звезды считать или, может, уже займёмся хоть чем-то полезным, обоим приятным?

– Согласен, сглупил... тогда как, ко мне, что ли?..

– Да, давай... только по-быстрому, не то – как я только-только сказала – мне до утра ещё надо успеть в ДД возвратиться.

После непродолжительного согласования они назвали друг другу настоящие имена и проследовали в жилые апартаменты Бедного. В течении следующего часа предавались незамысловатым плотским утехам. Когда всё закончилось, Екатерина быстренько собралась, парт-

нёр же её, разгульный, нежданно-негаданно ощутил, что любит невероятно красивую девушку безумно, практически всеобъемлюще.

– Катюш, когда мы увидимся – снова? – задался закономерный вопрос.

Так сложилось, себялюбивой оторве было в общем-то безразлично, что чувствуют к ней другие. Всех и вся она использовала лишь к собственной выгоде и не позволяла себе никакого, пусть мало-мальски влюблённого, чувства. Верная незыблемым правилам, она и сейчас ответила твёрдо, напутственно, искренне:

– С чего, прости меня, Саша, ты наивно предположил, что будет какое-то продолжение?

– Но я подумал?..

– Пусть думают лошади: у них головы сильно большие, – весело заключила недавняя полюбовница, презрительно фыркнула, но в следующую секунду, немного поразмыслив, добавила: – Ладно, уговорил... будет удобный случай – посмотрим.

Энергично щёлкнув железной молнией, она напоследок, чтобы подольше запомнил, одарила Бедного пламенным поцелуем и, не задерживаясь, заспешила на выход. Влюблённый парень, пока провожал её одними глазами, отчётливо понимал, что никогда уж не сможет забыть той восхитительной, ни с кем не сравнимой, девушки; она засела в ожесточенную душу, и проггла всё её суровое существо, и одарила неизведанной энергетикой, какая способна, с одной стороны, возводить огромные города, с другой сравнивать с землей великие страны, необозримые континенты.

В условленном месте беспечные подружки, обе разом, отсутствовали – а время стремительно приближалось к детдомовскому подъёму! Недолго поразмыслив, Ветрова разумно предположила, что они давно уже, «поганенькие», на месте и одна-одинёшенька припустилась в незримую темноту. Когда она миновала автомобильный мост, перекинутый через узенькую речушку, отделявшую основную часть посёлка от детского учреждения, вновь неожиданно ощутила, как сердце её, отважное, сжалось тем странным, до ужаса холодившим, предчувствием, какое испыталось от первой встречи с Мухротовым и какое не посещало все последние годы. А! По спине уж побежал знакомый морозивший трепет, распространяемый паническим страхом, непобедимым, едва ли не суеверным; в возбуждённом воображении разом возникли жуткие воспоминания об отвратительном кочегаре, его неимоверном поступке, навеки оставшемся в искалеченной памяти. Потенциальная жертва закрыла глаза и, готовая к самому страшному, в отчаянье замерла... Какое-то время она оставалась безвольно стоять, прислушиваясь к невидимой обстановке; но всё вокруг казалось спокойным. Предположив, что грозная опасность находится впереди, Екатерина попятилась строго назад, продвигая заднюю часть прекрасного корпуса. Попутно продолжала прислушиваться, напрягая взбудораженный слух, обострённый мучительным подозрением.

Вдруг! Когда Ветрова совсем уже собиралась развернуться назад и припуститься бежать, чтобы вернуться в центральную поселковую зону и чтобы спокойно переночевать у нового друга, внезапно она почувствовала, как на пути её продвижения возникла таинственная преграда; та никак не желала сдвинуться с места. Словно бы убеждаясь, перепуганная красавица надавила спиной немного сильнее... Последовал мощный удар, направленный по левому полушарию, – непослушная детдомовская воспитанница мгновенно потеряла сознание.

Нетрудно догадаться, ей повстречался Мухротов Гаврила Свиридович; он, поганый подонок, уже вторую неделю настойчиво подкарауливал полюбившуюся девчущку. Наконец злая удача ему улыбнулась. Заметив, что Екатерина возвращается и что идёт она абсолютно одна, невидимый соглядатай вылез из потайного укрытия и дальше преследовал её, двигаясь неотступно, ступая и тихо и аккуратно. Так они прошли около пары десятков метров. Увидев, что ведомая жертва резко остановилась, а изменив направление, пошла на него спиной, злорадный ирод взял да просто остановился. Спокойно дождался, когда она, двигаясь задом, вплотную

приблизится, чтобы огреть по неразумной головушке заранее прихваченной подручной лопатой.

Легко взвалив бездвижное тело, маниакальный выродок понёс Катюху к себе, в закопчённую кочегарку. Неторопливо, покачиваясь подобно дикой горилле, вошёл во внутреннее пространство. Бросил прекрасную ношу на деревянный топчан, насквозь пропитанный и вонью и сажей. Сняв с принесённой бедняги нижнее одеяние, принялся терпеливо ждать, когда же она очнётся. Как ранее говорилось, экстатичное наслаждение у монстра в человеческом обличии достигалось не иначе, как личным созерцанием душевных страдания; бесчувственное же тело его нисколько не заводило.

Между делом практичный садюга подготовил нехитрые погребальные принадлежности. Для осуществления зловещей задачи он установил перед затопленной топкой, на одном с нею уровне, обыкновенные переносные носилки. Примостил их параллельно бетонному полу. Если положить на них безвольное, само собою мёртвое, тело, а после приоткрыть чугунную дверцу, то оставалось переложить один конец на огненный край, другой порезче подать вперёд – и (хлоп!) следы преступления навсегда скроются в безжалостном пламени.

За всецело понятным занятием злое чудовище как раз и засталось пленённой красавицей, очнувшейся от принуждённых иллюзий. То приподнимая, то опуская правое веко, она наблюдала за жутким приготвлением. Страшное предположение, как именно он собирается завершить её молодое существование, сомнений не вызывало. Екатерину охватил панический ужас: она забыла, как нужно дышать, великолепную грудь сдавило «тугими тисками», а лёгким перестало хватать полезного воздуха. Сиплое дыхание зараз участилось, что привлекло внимание жестокого изверга.

– Ага, очнулась, – хриплым, немного скрипучим, голосом (который Ветрова слышала первый раз в жизни) сказал хозяин отвратительной кочегарки; он медленно передвигался в полумраке прокопчённого помещения, – сейчас мы, детка, с тобой опять позабавимся. В прошлый раз, припомни, нам помешали, и мы тогда не закончили. Теперь, не переживай, всё пройдёт и ровно и гладко!

У Екатерины кровь стыла в жилах. Здесь, и действительно, было чего ужаснуться! В промасленном потолке горела всего одна тусклая лампочка; она изрядно покрылась котельной сажей и излучала неяркий свет, необходимый лишь для того, чтобы чуть разогнать сплошную, до жути мрачную, темноту. От неё создавался лёгкий, ещё больше кошмаривший, полумрак. В чуть освещаемом сумраке передвигалось некое существо, похожее на злую гориллу, а вовсе не на нормального человека. Безобразная фигура, уродливо перекошенная, обладала деформированным, точно таким же противным, лицом; оно отобразило неопишимо зловещее выражение. Любой человек, при виде непрезентабельной, едва ли не дьявольской декорации да некоего подобия «гомо сапиенс», описался бы от безотчётного страха – чего уж говорить о совсем ещё юной девушке? Пускай и отчаянной, но всё-таки слабой! И именно ей, дрожавшей от нескончаемой жути, приходилось воочию лицезреть чудовищный образ, прокопчённую рожу, надглазный нарост и всё остальное, что могло сравниться лишь с настоящим демоном, верным служителем преисподней.

Обладая недюжинной силой, Гаврила легонько приподнял изящную жертву, хорошенько встряхнул, а убедившись, что она продолжает находиться в сознании, принялся готовиться к отвратительному, непередаваемому словами, грязному делу. Как в прошлый раз, наблюдая невыносимые душевные муки, маниакальный выродок приближался к экстатической неге, извращённому удовольствию; да, бездушному истязателю обязательно требовалось воочию видеть всепоглощающий страх.

Екатерина поняла патологическую особенность ещё в то прошлое издевательство; сейчас она решила немножечко подыграть, намереваясь (чего б не случилось!) как можно дольше оста-

ваться в сознании. Наполнив выразительные глаза бриллиантовыми слезами (что было совсем нетрудно), она, не переставая пугливо дрожать, скрипуче запричитала:

– Дяденька, пожалуйста, пощадите меня, я больше так никогда не буду... Я сама стану к Вам приходить – только не убивайте.

Молила она настолько естественно, что похотливые зенки всё больше загорались сатанинским огнём, неистовым вожделением, и обретали уже знакомое остекленевшее выражение. Чем трусливее Катя плакала и молитвенно голосила, тем сильнее плотоядный изверг предавался животному кайфу. Однако! Презренный подонок не знал, что девичий расчёт сводился как раз к тому, чтобы сатанинское детище не стало её душить и не оставило тем самым без чувств; но... видимо, в настоящем случае она чуть-чуть просчиталась. Для всесторонне наполненного эффекта удушавшее воздействие было просто необходимо. Неторопливо и следуя гориллообразной походкой Гаврила подошёл к истерично дрожавшей девушке, одной рукой сдавил ей хлипкое горло, другой опёрся на собственную кушетку – и... услышав, как та захрипела, а следом увидев, как закатились туманные очи, начал безжалостно измываться.

Ветрова чувствовала, что вот-вот лишится сознания, но всё-таки понимала, что ярому мучителю необходимо достигнуть сумасшедшего трансa. Хорошо осознавая губительные последствия, она всеми силами старалась не отключиться и мужественно терпела все изощрённые издевательства. Сообразительная красавица предоставила горбатому страшиле полную свободу телодвижений, и только когда тот целиком погрузился в состояние неосмысленной эйфории, принялась решительно действовать...

Теперь следует вернуться немного назад и раскрыть некоторые существенные подробности... Неглупая воспитанница хорошо понимала, что если дьявольский приспешник «положил на неё похотливый глаз», то он всё едино не успокоится, пока окончательно её не добьёт; а значит, новой встречи, как ни старайся, избежать не удастся. Опираясь на здравое размышление, Екатерина твёрдо решила, что будет лучше, ежели она к ней основательно подготовится. В её повседневной курточке (которая по счастливой случайности осталась на ней), в специальном кармашке, проложенном по боковому борту, со временем оказалась игловидная стальная заточка; она снабжалась тоненькой текстолитовой ручкой. При крайней необходимости, незатейливо, не дольше чем за секунду, защитительное оружие извлекалось наружу, а в нынешнем исполнении являлось ничуть не заметным для постороннего глаза.

Как только мухротовский корпус энергично задёргался от судорожных конвульсий, сопровождавших неконтролируемый экстаз, натренированным движением остроконечное оружие появилось наружу. Озлобленная красавица, ненавидевшая всей детской душой, наносила в вонючее, омерзительно противное, тело нескончаемые, один за другим, уколы; словно безумная, она целилась исключительно в сердце. Обескураженный, тот дико взвыл, уподобляясь простреленному во время охоты свирепому вепрю. Когда поражённый изверг понял, что наступил смертельный конец, было достаточно поздно. А! Ветрова продолжала вонзать в него игловидный предмет и яростно тыкала, пока уродливое туловище совсем не обмякло. Сколько раз она его поразила – Катя навряд ли когда осознанно сумеет ответить (может, тридцать, а возможно, и все пятьдесят?). Касаясь вражеской крови, поскольку оружие являлось длинным и тонким, то она почти что не вытекала.

Как только мерзкий уродец испустил ненавистный дух, отважная девушка брезгливо сбросила покойного выродка и села, полуголая, на низенькую кушетку; ей требовалось отдышаться, чуть-чуть успокоиться и собраться с бредовыми мыслями. Приходя в себя, бойкая героиня обратила внимание на приготовленные носилки.

– Так ты хотел меня поджарить в огненной печке? – обратилась она к безвольному трупу, грязному и противному, только-только ею убитому. – Хотя я и слабая девушка, но, позволь, презренная гнида, уступлю тебе первое место.

Едва лишь договорив, справедливая мстительница подтащила покойное тело к приготовленному (для неё же!) последнему ложу. Гормон адреналина, гулявший во вскипевшей крови, придал отважной девушке дополнительных сил. Пускай и с большим трудом, но она затащила мёртвого человека на переносное ручное устройство. Немножечко отдышалась, а после открыла пыхнувшую жаром чугунную топку. Испытала немыслимый ужас. Однако! Решение твёрдое принято, а значит, поворачивать назад уж больше нельзя. Находиться рядом с огнедышащей печкой оказалось вполне возможно, и Екатерина, поставив на нижний край носилки ближним концом, сама взялась за другой. Тычковыми движениями продвинула их вперёд. Поскольку предусмотрительный Гаврила Свиридович, помимо всего остального, привязал книзу две березовые, гладко ошкуренные доски, двигалось своеобразное устройство легко, сравнительно быстро. Практически без труда Ветрова затолкала смертельного недруга внутрь жаркого жерла – осуществила его основательную кремацию.

Прощальных слов для гадкого ирода не нашлось; напротив, практичная девушка поспешила поплотнее захлопнуть печную заслонку. Только теперь она смогла ощутить, как сильно кружится чумная головушка и как в желудочной области присутствуют мучительные позывы, тошнотворные и блевотные, просящиеся наружу. Предупредительная особа летом метнулась на улицу, где тут же освободилась от накопившихся рвотных масс. Закончив очищаться от с вечера непереваренной пищи, Катька вернулась в зачумлённое помещение, открыла горевшую топку, а убедившись, что детский кошмар сполна закончился, поспешно оделась. Злорадно сама себе улыбнулась, выбрала прямой металлический прут и уверенной походкой отправилась к детскому дому.

Глава X. Побег

Подходя к центральным воротам, самонадеянная особа осмотрела карманы – и... неожиданно поняла, что потеряла входные ключи. Случай из ряда вон выходящий! Пускай у неё и укрепились шальная идея, подвигавшая к бегству из детского дома (а сейчас наступил момент как нельзя подходящий), но она не могла уйти вот так просто, не поквитавшись с опостылевшей директрисой. Помимо прочего, ей требовалось собрать и личные вещи; а среди них, между прочим, находились и памятные предметы, и дорогие юному сердцу, и оставшиеся с раннего детства. Воодушевлённая объективными помыслами, она во что бы то ни стало решила проникнуть на учрежденскую территорию и, пока «кипит в жилах кровь», исполнить задуманный план безжалостной мести; он вынашивался долгие годы и просился к неуклонному исполнению.

Теперь нужно как-то проникнуть во внутреннее пространство. Как уже известно, забор являлся высоким, и перелезть через него, даже при всем огромном желании, никак бы не получилось; а значит, изгаляться требовалось чуть-чуть по-иному... Дождавшись, когда к железной ограде подъедет машина, подвозившая ежедневные хлебопекарные изготовки, и пока её пропускали, отчаянная бесовка прицепилась к ней сзади. Хотя и в неудобном положении, но она беспрепятственно пробралась на заграждённый участок, отведённый под владение детского дома.

Незатейливо оказавшись в желаемом месте, Ветрова сразу направилась в девчачью опочивальню, наспех собрала первостепенные вещи, необходимые для дальней дороги, а после зашла в мальчишечий туалет. Там, в коротеньком тамбуре, она и спрятала то металлическое орудие, что захватила в мухроматовской кочегарке. Утренний туалет завершился минут примерно десять назад, а соответственно, Екатерина вообще не переживала, что невзначай кого-нибудь встретит.

Злыднева всегда приходила рано. На сто процентов уверенная, что та уже находится в детдомовском здании, неудержимая мстительница, объятая справедливым желанием, отправилась к в директорский кабинет; она охватила твёрдой, по-взрослому непоколебимой, решимостью. Жестокое отмщение происходило как по написанному в Голливуде крутому сценарию. Забежав в служебное помещение руководителя заведения, Катя выпучила большие глаза, а далее, тяжело дыша и голосом, срывающимся от искреннего волнения, скороговоркой пролепетала:

– Маргарита Петровна, идёмте скорее... там, в нижнем туалете, мальчишки дерутся. Они дубасятся как неистовые и, наверно, друг друга поубивают.

Умудрённая долговременным опытом, женщина подивилась странному, отнюдь не обычному поведению, какое (почему-то?) возникло у наиболее дерзкой воспитанницы. От кого угодно, но только не от неё заведующая могла ожидать, что та (сама являясь безжалостной хулиганкой) вдруг возьмётся за кого-нибудь хлопотать. Однако? Судя по приведённым словам, возникла неординарная ситуация и размышлять особого времени не было. Вид возбуждённой просительницы казался настолько серьёзным, что, не расспрашивая в детальных подробностях, «разведённая» женщина в ту же секунду промолвила:

– Ну что же, пойдём посмотрим, чего у вас там страшного приключилось.

– Быстрой, быстрой, – не унималась Екатерина, – они один другого убьют – честно!.. Я такой умопомрачительной драки никогда ещё раньше не видела.

«Купившись» на незатейливый, неприсотливо дешёвый, обман, Злыднева заторопилась за плутоватой обманщицей. Когда они оказались в предполагаемом месте безудержной бойни, деятельная директриса сразу прошла вперёд... Ветрова чуть замешкалась в переднем, смежном с основными, пространстве, где принято умываться.

– Ну-с, и где же тут жестокая драка?! – гневно возмутилась заведующая.

– Вот где!

Ненавистный возглас, наполненный годами накопленной злобой, Маргарита Петровна услышала сзади себя. В следующую секунду она почувствовала, как на её беспечную голову обрушивается нечто настолько тяжёлое, насколько резкая боль, сопровождаемая мгновенным головокружением, сковала всё её далеко уж не молодое тело; она заставила медленно опуститься на кафельное покрытие и встать на колени. Повинуясь естественному инстинкту, оглушённая женщина схватилась за зачумлённую голову, как бы пытаясь сконцентрировать рассеянное внимание, но в следующий миг почувствовала, как чья-то уверенная рука схватила за завитые кудряшки; она потащила к одному из расположенных поблизости унитазов. Оказавшись в непосредственной близости, огорошенная руководительница ощутила похожий удар и, больше не в силах сопротивляться, расслабилась полностью.

Екатерина, сообразив, что Злыднева бороться уже не сможет, несколько раз окунула её растрёпанной головой в отхожее место, не забывая многозначительно приговаривать:

– Я же говорила тебе, поганая тварь, что рано или поздно ты обязательно за всё мне ответишь – а ты мне ни разу не верила! Так вот, на же теперь... напейся, да нахлебайся-ка дёб сыти!

В ходе недолгой пытки, направленной на справедливое мщение, разгневанная воспитанница поочередно производила смывочный спуск, пока ненавистная директриса совсем не обмякла, не потеряла сознание. Только потом, посчитав, что бывшая надзирательница получила (своё!) сполна, она её отпустила и бросила бесчувственное тело на ровный, где-то немного побитый, кафель. Мешкать теперь не стоило! Подняв с пола связку ключей, упавшую во время мучительной экзекуции, беспощадная мстительница бегом проследовала в директорский кабинет. Отперла металлический сейф и достала оттуда все личные документы. Ни секунды не медля, Ветрова устремилось в девчоночье помещение, где хранились носимые, а также и памятные ей вещи.

Зайдя в жилую комнату, Катька подхватила немногочисленные пожитки, заблаговременно ею собранные, приблизилась к ничего не понимавшей растерянной Даше и обратилась к ней с резким вопросом:

– Дай мне твою отмычку. Срочно!

Ключ от центральных ворот Злыднева носила отдельно, поэтому требование выглядело полноценно оправданным.

– Но зачем? – попыталась поинтересоваться неуверенная подруга.

– Давай сюда! Быстро! – метая глазные молнии, промолвила беспрекословная атаманша, но в следующую секунду (по-видимому, осознав допущенную ошибку?) более мягко добавила: – Скоро сама обо всём узнаешь... Ключик отыщешь в высокой траве, возле правой воротины, немного поодаль.

Получив искомую, так нужную ей, вещицу, Ветрова побежала на улицу, преспокойненько миновала наружное ограждение и выполнила нетрудное обещание – бросила заимствованную отмычку на травянистую землю. Далее, естественно, направилась к автомобильной трассе, где легко (неудивительно почему!) поймала попутный транспорт и отправилась в сторону областного центра Иваново.

Едва достигнув огромного, красивого города, непривычная девушка, видевшая его разве из окна детдомовского автобуса (когда их возили на развлекательные мероприятия), попросту поразилась всему тому притягательному великолепию, которое, проникая в несформированное сознание, завораживало, пленяло и уж дальше не отпускало; оно подчиняло себе всё детское существо, словно заставляя становиться маленькой частичкой большого многообразия.

Какое-то время Екатерина бродила по широченным улицам, восторгаясь величием могучего исполина; но постепенно помыслы о прекрасном сменились тревожными размышлениями

о делах земных и насущных. Она вдруг отчётливо поняла, что у неё нет доступных денег – а город диктовал жесткие правила! Не заплатив, найти себе пропитание, да тем более несмышлёной девчонке, необученной к выживанию в безжалостном мире, – это навряд ли бы получилось. Знакомых и родных у Ветровой не было, и куда податься дальше – она покамест просто не знала.

Голод становился всё явственнее, а сумасбродной беглянке здравомыслящие идеи так и не приходили. Охваченная невесёлыми, скорее тоскливыми, думками, она бесцельно бродила – болталась вплоть до позднего вечера, пока не попала на одну из центральных улиц, где прямо у здания местного отдела милиции заметила эксцентричных девиц, разукрашенных и разряженных, отображённых сильно заниженной социальной ответственностью. Устав от тяжёлого дня, Ветрова села на дорожное ограждение и принялась наблюдать за их неприхотливыми, ничуть не изысканными, манерами.

На дворе стоял 1989 год, и криминальная обстановка всё больше выходила из-под контроля. Стали популярными такие виды заработка, как чисто бандитский рэкет, открытые грабежи, сплошное мошенничество, банальные кражи, а в довершение ещё и грязная проституция. Возвращаясь к Катькиным наблюдениям, она с издёвкой смотрела, как опытные путаны постепенно обзаводились очередными клиентами, а расходясь, освобождали застолблённый развратный участок. Естественно, созерцая происходящие метаморфозы, Екатерина сполна догадывалась о той позорной профессии, какую представляли полуголые, ничуть не стыдливые, барышни. Вдруг! Рядом остановился иностранный автомобиль, для советского времени немножечко необычный. Боковое окошко медленно опустилось, и выглянул представительный, хорошо одетый, мужчина. Он зачем-то спросил:

– Работаешь?

– В смысле? – искренне удивилась юная девушка, пока ещё ничего не понявшая.

– Я заплачу, и, заметь, довольно неплохо, – похотливый водитель продолжил настаивать, не спуская слащавой улыбки.

– Сколько? – поинтересовалась воспитанница детского дома, начиная догадываться о предлагаемых плотских намерениях.

Ей очень хотелось кушать; да и заработать легко, с себе же самой доставленным удовольствием, – подобный исход явил бы не самую плохую идею.

– Четвертной, – обозначил предупредительный незнакомец.

Он назвал ей сумму, равную двадцать пять тогдашних рублей. В те далёкие времена, когда средняя зарплата рабочего составляла около ста рублей, предложенные деньги казались хорошими – да просто отличными! Получить их, чтобы тебе же доставили греховное наслаждение, – для одинокой беглянки, оказавшейся в незнакомом, почти что враждебном, мире, представлялось делом, превосходившим любые её ожидания. Однако случилось не так всё просто, как ей бы хотелось, то есть уплаченные деньги пришлось действительно отрабатывать. Помимо нормального секса, потребовалось заниматься ещё и оральным, а неосвоенная процедура (с непривычки) показалась новоявленной проститутке неприятной, едва ли не отвратительной; но, делать нечего, другого источника дохода она покуда не представляла. Хотя и с некоторым отвращением, но бесстыдная чертовка исполнила всё, чего ей не предлагалось. Венцом первого развратного опыта явилась новенькая купюра, хрустевшая финансовой независимостью, полной свободой.

Отработавшая по полной программе, девица отправилась к ближайшему кафетерию. Она набрала дорогой, самой вкусной, еды, да накушалась до отвала, почувствовав и долгожданную, и такую приятную сытость. На всё про всё потратился один рубль, да разве ещё с полтиной. Переночевать неустроенная бесовка отправилась на местный железнодорожный вокзал. Восхищаясь непревзойдёнными внешними очертаниями, там тоже предлагали неплохо подза-

работать; но Ветрова посчитала, что одного раза за первую свободную ночь ей будет вполне достаточно.

На следующий день Екатерина сняла крохотную, но удобную двушку, сговорившись со строптивой хозяйкой «на полный червонец за месяц вперёд», и, целиком удовлетворённая, принялась строить планы на будущее. Как она будет добывать себе насущное пропитание, новоявленная путана нисколько не сомневалась, единственное, твёрдо решила, что выходить работать станет только тогда, когда совсем закончатся наличные деньги.

Два или три раза Кате удалось отработать на «собственное достоинство»; но суть того времени такова, что рано или поздно её бы непременно заметили. Однажды утром она проснулась от настоящего звонка, прозвучавшего в хлипкую квартирную дверь. Знакомых у детдомовской воспитанницы в городе не было, поэтому сперва она удивилась: «Кому я, интересно, понадобилась?» Недолго подумав, решила: «Скорее всего, по какой-нибудь надобности нагрязнула непочтительная, тупая хозяйка», – и беззаботно направилась открывать. И тут!.. Не успела она прошёлкать личинным замком, как внутрь беспардонно ввалились двое неприветливых, дерзких, крайне ей неприятных, парней.

Один казался высоким, крепким, здоровым детиной, достигшим лет двадцати пяти; круглое лицо переходило в наголо обритый «яйцеголовый» череп; мощные скуловые кости создавали определённое впечатление, что легко перекусят как тонкие гвозди, так и толстые прутья; злобный, гневно «зыркавший» взгляд выражал полное отсутствие практического разума; мощное туловище позволяло предполагать, что его, вероятнее всего, используют лишь в качестве внушительной силы.

Второй являлся полной его противоположностью. Он представлял невысокого молодого парня, едва достигшего возраста «тридцати»; лицо считалось необычайно красивым, но выглядело ожесточённо озлобленным; причёска выглядела как гангстерская и отображалась чёрными волосами, немыто сальными, зачёсанными назад; живые, ехидные зенки словно пронизывали насквозь и создавали стойкое впечатление, что перед тобой находится умный, решительный человек, не способный ни к милосердной жалости, ни к чуткому сожалению.

Непрезентабельная одежда, как того, так и другого, отмечалась тренировочными костюмами, широко употребляемыми в те грозные времена, да модными трехполосными «адидасовскими» кроссовками.

В разностороннем тандеме главным, по всей вероятности, являлся второй. Как бы подтверждая, именно он и начал беседовать вежливым, но убедительным тоном:

– Что же Вы, бесстыжая девушка, устроились к нам на работу, а трудовой страховки – она, заметьте, предполагает ежедневную безопасность – для себя не оформили?

– На какую работу? – поинтересовалась ошеломлённая квартирантка; она пока ещё так и не понимала, к чему неизвестный настойчиво клонит.

– Ну как же, Вы обслужили нескольких городских клиентов, а защитительную «крышу» себе так и не заимели; а ведь среди них попадаются и отъявленные, и крутые мерзавцы. Да и другие «девочки», опять-таки, недовольны, что Вы бесцеремонно составили им серьёзную конкуренцию. У нас же так, простите, не принято.

– Что именно? – спросила Екатерина, понемногу осознавая, чего от неё хотят.

– Скажем так, либо ты, «тупая сучка», работаешь в нашем дружеском коллективе, либо пошла отсюда прочь, – сказал незнакомый тип уже неприветливо, да попросту грубо.

Ветрова хорошо понимала, что противопоставить ей в общем-то нечего; а значит, рассчитывать во всех случаях она может лишь на себя. Обращаться в милицию? По понятным причинам ей было заказано. Какой-либо силы другой, способной справиться со звероподобным верзилкой, молодая девушка (в плане современных отношений сплошная «профанка») в тот жуткий момент себе не представила; она полностью смирилась с зависимым положением. Не являясь полной «лохушкой», Катюха задалась закономерным вопросом:

– От меня чего-то потребуется?

– Да, будешь отдавать половину добытых доходов. И спокойно работай, нисколько не переживая о собственной безопасности. С наступившего мгновения ты находишься под нашей неусыпной заботой.

– Хорошо, предложенные условия меня всецело устраивают, – согласилась новоявленная путана, своеобразно принятая в многочисленный коллектив ивановских проституток.

– На том к обоюдному согласию сейчас же и порешим, – промолвил повеселевший молодец, ничуть не скрывая ехидного удовольствия, – меня, кстати, Костей зовут – а тебя?

– Я Катя.

Глава XI. Путешествие на родину

Работа оказалась не пыльной, и юная путана настолько с ней постепенно свыклась, что считала блудливое поведение обоснованной нормой жизни; она не представляла себя ни в каком другом виде человеческой деятельности. Так распутная милашка существовала, пока с ней не случился непривлекательный казус. Отпахав чуть более полугода, она потеряла паспорт, и пришлось намечать нежелательную поездку в родной городишко – для срочного его выправления. Детдомовская беглянка ни сном ни духом не знала, перестали ли её искать или нет; но, делать-то нечего, находиться в чужом городе без личного документа (как не посмотри) считалось крайне неосторожно. Случай с униженной директрисой выглядел слишком мелким, чтобы та «вынесла сор из избы»; вдобавок ей бы пришлось объявить и истинную причину побега, нагло совершённого из детского дома. Куда исчез уродливый кочегар – это известно лишь ей одной. Хотя-а... вряд ли найдётся ещё один человек, коему интересна страшная судьба той омерзительной личности, маниакального выродка. Придя, как не рассматривай, к обоснованным выводам, Ветрова, нисколько не беспокоясь, спокойно отправилась на малую родину.

Прибыв в захолустный, ничем не примечательный, город, отнятая отщепенка с удивлением обнаружила, что в их зачуханной квартире присутствует только седой, напрочь составившийся, отец. Как и обычно, он находился в устойчивой спиртной эйфории. Как же тот изменился за долгое время! Сказать просто, что совсем постарел, – это не передать ничего. Сергей Геннадьевич превратился в пропащего человека, чем-то напоминавшего страшного, точь-в-точь замогильного, чёрта – такая же зачерневшая кожа, ввалившиеся глаза, косматые, годами не чёсанные, лохматые волосы. Печальное сходство довершала грязная, засаленная, давно нестираная, одежда.

Для долгожданной встречи с родителями молодая особа надела лучшее платье и сделала одну из самых модных причёсок. Время стояло весеннее, наступил тёплый май месяц, поэтому дополнительная одежда ей попросту не потребовалась. Увидев перед собою красивое, почти неземное, создание, ошарашенный хозяин смущённо промолвил:

– Девочка, тебе кого?!

– Папа, это же я... твоя Катя, – слёзно промолвила Ветрова и бросилась к бомжеватому человеку в родные объятия, – неужели ты меня нисколько не помнишь?

Пожилой мужчина попытался хоть чуточку сконцентрироваться, рассматривая неожиданно возникшую посетительницу. Как вдруг! Будто яркий луч промелькнул в давненько потухших зрачках. Обильно орошаясь неукротимо текущей влагой, он с откровенной радостью вскрикнул:

– Дочка, милая, это ты?! Она ты какая стала удивительная красавица?! Тебя прямо и не узнать!

– Это наследственно... а где моя мама? – прекрасная гостья озирала одиноко пустовавшие помещения.

– Она умерла, – ответил печальный хозяин, – её убили... два года назад. Как? Мы долгое время пили. Как и обычно, к нам всё время ходили знакомые – ну, ты их всех знаешь?! Потом Люба неожиданно-негаданно стала слабеть, затухать, а однажды утром я встал и увидел, что, мёртвая, она лежит в твоей детской комнате – находится среди кучи пустых бутылок, вонючей блевотины да мерзких человеческих нечистот, брр! – помянувший рассказчик слегка передёрнулся. – Я думаю, её отравили.

– Ха! Была кому-то большая охота?! – злопамятная дочка не могла не усмехнуться, а следом сделать более правдоподобное заключение: – Да ладно, папа, сплетничать: она просто-напросто опилась – опорблась поганого зелья. Это же полному идиоту ясно! Если честно, туда ей, отвратительной мерзости, и прямая дорога. Мне подлую стерву нисколько не жалко:

она, тварь болотная, сломала обоим нам жизнь как мне, так в той же степени и тебе! Ну, да это всё прошлое... Ты лучше вот что скажи: зачем продолжаешь пить, ведь её уже нет? Начни новую жизнь – женись, наконец!

– Не могу... без неё я страшно тоскую, поэтому всё время беспробудно и пьянствую.

Последнее высказывание отчасти являлось истинной правдой: горемычный отец безмерно тосковал по рано ушедшей супруге, несмотря на то что при жизни та несколько с ним не считалась, а жила исключительно для собственного похотливо-развратного удовольствия. Другая сторона медали являла собой стойкую привычку «до каждодневной выпивки», и навряд ли он когда-нибудь сумеет остановиться. Ветрова-старшая, некогда пристрастившая поводного мужа к устойчивой алкогольной зависимости, даже мёртвая, властвовала над его никчёмным существованием.

Получив новый паспорт, Екатерина осталась погостить на некоторое, неопределённо долгое, время; она намеревалась подольше побыть с любимым родителем, по которому (как оказалось) очень соскучилась. Сострадательная девушка навела внутри идеальный порядок, а главное, вывела Сергея Геннадьевича из длительного запоя и вернула к осмысленной жизни. Однако (как и всегда случается с подобными личностями) трезвая жизнь продлилась совсем недолго: сила привычки через какое-то время взяла «своё», и он опять ударился в активное потребление. Сама не замечая как, Ветрова-младшая тоже, за компанию, стала прикладываться к водочной выпивке. Всё больше втягиваясь, очень быстро почувствовала, что лёгкое состояние эйфории ей в общем-то нравится, а как печальное следствие, входит в привычку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.